

Хемингуэй

SEATTLE PUBLIC LIBRARY

0 01 00 3824386 0

Людмила
Петрушевская

Нестрое

Люмила
Петрушевская

Homework

Плюшкина Петрушевская

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

Плюмла
Петрушевская

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 5

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ
СКАЗКИ

ПЕРВЫЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ РОМАН
С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

ХАРЬКОВ · ФОЛИО ■ МОСКВА · ТК О АСТ
1996

ББК 84(2Рос-Рус)

П30

УДК 882

**Серия «Настоящее»
основана в 1995 году**

**Редактор
Инна Борисова**

Рисунки автора

**Художественное оформление
Веры Хлебниковой**

**Оформление суперобложки
Юрия Модлинского**

**На суперобложке использована
авторская фотография
Бориса Михайлова**

**Координатор издательской программы
«Настоящее»
Михаил Топоринский**

П 8820000000

ISBN 5-7150-0319-9 (т. 5, Фолио)

ISBN 5-7150-0314-8 (общ. Фолио)

ISBN 5-88196-801-8 (т. 5, АСТ)

ISBN 5-88196-796-8 (общ. АСТ)

- © Л. Петрушевская, 1996
- © Рисунки. Л. Петрушевская, 1996
- © Художественное оформление. В. Хлебникова, 1996
- © Суперобложка. Ю. Модлинский, 1996
- © Фото на суперобложке. Б. Михайлов, 1996

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

В ДОРОГЕ

Ехали как-то клоп Мстислав и таракан Максимка в поезде и купили себе аэрозоль от насекомых, чтобы было не скучно в дороге, и начали делить.

Клоп Мстислав настаивал делить по миллиметрам, у него с собой был алмаз от расстрелянного отца.

Таракан Максимка резать баллончик не советовал, но иначе как делить?

В купе пришла муха Домна Ивановна, но и она, как ни любила жидкость от насекомых, не могла вспомнить, как ею пользоваться.

Решили баллончик выбросить из окна, а самим сойти на ближайшей станции и посмотреть, что получилось, однако муха выбросилась вместе с баллончиком, не в первый раз, и когда Максимка на попутном «мерседесе» добрался до места, Домна Ивановна уже разделась до трусов и ходила на четвереньках, а пятая и шестая ноги ей отказали, но веселиться так веселиться!

Что касается клопа Мстислава, то ему не терпелось до такой степени, что он соскочил с «мерседеса», не ожидая финала, и шел издали, нюхая аромат постепенно.

Однако, когда он домаршировал до места пьянки, всё вдыхая аромат во все больших количествах, таракан Максимка уже отключился и отдыхал, прислонясь к продырявленной банке, и усы у него пошли кольцами.

Рядом лежали деревенские, случайный муравей Ленька со стадом тлей, которое тоже полегло, и жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой.

В целом пир вышел отличный, только поговорить Мстиславу было не с кем, обсудить погубленных предков, и он запел любимую «Постель была расстелена», слова Евтушенко.

2.

В ДОМЕ ОТДЫХА

Как-то плотва Клава отдыхала после родов в доме отдыха и познакомилась там с молью Ниной.

Они весело проводили время, Нина иногда рассказывала анекдоты, сидя в шкафу, а Клава висела и сушилась на веревке на балконе, усталая и умиротворенная.

Слышно не было ничего, но плотва улавливала момент, когда Нина начинала беззвучно смеяться, и колыхалась в ответ.

Время от времени заходили другие отдыхающие, кондор Акоп, например, но скромная Нина сидела, закутавшись в свитер, в шкафу, а плотве Клаве вообще было ни до чего после кесарева.

Так они и провели эти прекрасные дни.

Плак Аратаси

3.

ВИЗИТ ДАМЫ

Червь Феофан все не давал покоя пауку Афанасию: только Афанасий все приберет, навесит занавески, тут же Феофан приползает, притаскивает на себе мусор, яблочные огрызки, шелуху (живет в конце огорода, что делать) и начинает рассуждать о вечности, о звездах, о том, зачем ему, червю, дана эта жизнь.

Афанасий злился, буквально на стену лез, но сказать Феофану правду (да кто ты такой, чтобы рассуждать, червь!) — этого Афанасий не мог, боялся обидеть Феофана, который и так про себя говорил: да кто я такой, чтобы рассуждать, червь, и все. И вопросительно смотрел при этом.

Афанасий терпел, после ухода Феофана приводил все в порядок и наконец принимался готовиться к домашнему консервированию, ожидая в гости муху Домну Ивановну: все было у него уже припасено, хрен, укроп, чеснок и лавровый лист, банки и крышки, но Домна Ивановна предпочитала Феофана и часами сидела у него в гостях на помойке, пила чай.

Афанасий много раз приглашал Феофана придти с подругой, но тот терпеть не мог присутствия баб при серьезных разговорах.

Однако паук ждал и надеялся и наконец дождался.

Домна Ивановна пришла к нему, она уже была сильно под мухой и в результате порвала у него занавеску, абажур и простыни, разбила посуду, сломала ему нагрудный шприц и отчалила с Феофаном на помойку пить чай, а Афанасий неделю убирался и гонял по аптекам за шприцом.

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА

Как-то раз комар Стасик полюбил свинью Аллу, а она его не признавала, лежала совершенно раздетая на берегу и обмахивалась ушами, так что и подлететь было боязно.

Стасик горько смеялся над своей бедой, над своей слабостью, а свинья Алла твердила одно и то же: знаем мы вас!

Стасик уверял, что питается только цветочным соком, что кровь пьют исключительно тетки из их семьи, но свинья Алла, бескрайняя, как все наши просторы, не допускала Стасика даже присесть, у нее была такая опасная манера, вздрагивать всем телом, и Стасик падал на лету как подкошенный, но не до конца, и именно это его волновало до глубины души, он все падал и падал, и все не до конца.

Наконец за ним прилетела жена Томка, хотела бить морду Алле, но была сшиблена ударом уха, и Стасик, терпеливый и настойчивый, как многие мужья, вынес комара Томку с поля боя и попутно все же присел, коснулся пальчиками ног роскошного тела Аллы и тут же вскочил как ужаленный!

Оказалось, что это была только видимость, обнаженное тело, на самом деле Алла с головы до ног заросла щетиной, и близорукий Стасик, обняв свою худенькую Томку, в который раз вернулся с ней домой, в который раз твердя: лучше семьи нет ничего!

5.

ПЕДИКЮР

Однажды гусеница Николавна решила сменить пол и обратилась в госпиталь.

Там ее забинтовали, а затем выписали под именем бабочки Кузьмы. Бабочка вылететь-то вылетела, но все щупала свои растущие день ото дня усики и с тоскою вспоминала свое земное прошлое, постоянно витая в воздухе.

Приходилось путешествовать без передышки, тягая за собой багаж; аэропорты, паспорта, чемоданы, затем бритва, трубка, кальсоны, шесть штук домашних тапочек и постоянный грим: все должно быть по-мужски красиво!

И некоторые обратили на Кузьму внимание, тот же воробей Гусейн, который предложил ему крепкую мужскую дружбу.

Но что-то не получалось, Гусейн слишком уж разевал пасть на друга, и робкий бабочка Кузьма даже перестал подходить к телефону; и вообще, несмотря на усы и брюки, Кузьма все-таки звал себя Николавна и в минуты одиночества делал сам себе педикюр.

Ромашка свежа и
пчила мѣла

КОЗЕЛ ТОЛИК

Задумал козел Толик провести завтрашний выходной с ромашкой Светой.

Однако Света цвела в саду за забором, а Толик шатался по крапиве вокруг и напрасно ее звал, подзадоривая сходить искупаться или в кино на американский фильм про разведение коз (порно).

Света цвела на удивление спокойно и если перед кем и открывала дверь, то только перед пчелой Лелей, которая моталась туда-сюда, гремя ведрами.

В результате козел Толик пошел в лес, где его как раз поджидал волк Семен Алексеевич с бутылочкой виски.

И вместо отдыха назавтра козел Толик лежал весь день с мокрым полотенцем на голове, слушая звуки доения, а волк Семен Алексеевич, очнувшись утром, пошел в больницу, и его отправили на рентген, где у него обнаружили в желудке левый Толикин рог, неизвестно как туда попавший.

Толик долго стыдился ходить однорогим, особенно мимо сада, где цвела Света: «Получил по рогам», — объяснял он, сидя в хлеву.

Что касается Семена Алексеевича, то он на операцию не согласился, на клизму тоже не остался, а вернулся домой переваривать рог в домашних условиях.

РЕПЕТИЦИЯ ХОРА

Однажды гиена Зоя столкнулась с бараном Валентином в рыбном магазине, где баран покупал колготки и не знал, какой размер ему необходим. Он все уходил к зеркалу с колготками и наконец после скандала объяснил, что он желает сам надевать их как двусторонний колпак (у Валентина были роскошные рога).

Гиена Зоя, пока это все с криком обсуждалось, гуляла поблизости, потому что ей очень хотелось получить от кого-нибудь в подарок колготки (не себе, а дочери к свадьбе, Зоя знала, что на свадьбе единственные дочерины колготки обязательно порвут).

А тут такой интересный случай.

Короче, когда раскрасневшийся Валентин уже получал покупку, тут-то гиена Зоя и подставила покупателю Валентину лапу, а баран и наступил на нее.

Гиена взвыла (она была солисткой хора), Валентин кинулся прочь и, конечно, уронил покупку на пол, чем Зоя мгновенно воспользовалась, она схватила их одной рукой (помятой), а здоровой рукой взяла барана и отвела его в милицию к младшему лейтенанту медведю Володе.

Там баран отрицал все, сказал, что в первый раз в жизни видит эту драную собаку.

Тогда гиена, ничуть не обидевшись, предъявила переднюю лапу и колготки — «а это вы разве не покупали?».

Баран, припертый к стене доказательствами, отрицал и колготки, и рыбный магазин, и тогда гиена успокоилась и сказала: «Ах простите, я перепутала, колготки я купила себе сама».

Барана отпустили, а гиене сделали предупреждение, но она положила колготки в сумочку и отправилась на репетицию ночного хора гиен как ни в чем не бывало.

КОНЕЦ ПРАЗДНИКА

Мухе Домне Ивановне захотелось сладенького, и она пристала к пчеле Леле, которая как раз летела с шестью пустыми ведрами в сад.

Но Леля не согласилась позвать в гости Домну Ивановну, не согласилась и сама пойти к ней в гости в помойную яму.

Домна Ивановна сказала «подумаешь!» и тогда помчалась в гости в дом, где варили варенье.

Но там ее не ждали и даже стали выгонять мокрым полотенцем.

Домна Ивановна от такого приема оплошала и шлепнулась прямо в незакрытую банку с вареньем (три литра).

Там она пошла ко дну.

Тут же эту банку отнесли на родину Домны Ивановны и похоронили муху с большими почестями в помойке, вылив на Домну Ивановну все три литра.

Тут же собрались огромные массы детей Домны Ивановны, и начались поминки, но через некоторое время Домна Ивановна высунулась из варенья и крикнула пролетавшей мимо с полными ведрами пчеле Леле: «Угощаю!»

Но пчела Леля только пожала плечами и ответила, что вашего дерьма не надо.

Однако же через три минуты Леля вернулась с пустыми ведрами в сопровождении всего взрослого населения пасеки, тоже с пустыми ведрами.

И, несмотря на крики Домны Ивановны и многотысячной толпы ее детей, пчелы трудились как одержимые до конца рабочего дня.

— Ну и где справедливость? — спросила Домна Ивановна червя Феофана, выползшего подышать воздухом на закате. — Я всех пригласила, даже этих уродов труда, пчел, а свинья Алла пришла безо всякого приглашения, сломала нам забор, сожрала все, я сама еле живая осталась.

— Так кончаются праздники, — заметил червь Феофан.

АВТОБУС

Как-то раз гадюка Аленка договорилась с кукушкой Калерией, что та поселится у нее в доме и будет показывать время, дружить так дружить!

Однако в разгар дружбы Калерия снесла яйцо в шляпу Аленки по своей привычке бросать детей где попало.

Аленка долго давала круги вокруг шляпы, но сделать ничего так и не решилась, против детей не попрешь, стала носить косынку.

Аленка по телефону всем нажаловалась на свою мягкотелость и уступчивость, Калерия сидела униженная, но куковала как обычно, пока однажды не отомстила: прокуковала утром восемь раз, девятый раз не стала.

Аленка из-за этого опоздала на важный автобус, не уехала к поезду и вообще в деревню, вернулась с полдороги домой и плакала перед неподвижной Калерией из-за погубленного отпуска.

Калерия отвечала ей строго по часам, уговор дороже денег, и только «ку-ку».

Однако тут же вылупился кукушонок, его называли Шурка, начались хлопоты, кукушка Калерия сбесилась и куковала без передышки, Шурка марался

прямо в гадюкину шляпу, но Аленка проявила бесхарактерность еще раз, не съела Шурку за такие дела, хотя подруги по телефону советовали ей многое.

И в результате Аленка вышла на работу в свою аптеку как на праздник после такого отпуска, а сколько было радости, когда Шурка улетел, а Калерия отпросилась на выходные и не вернулась!

Милиционер медведь мл.
лейтенант Володя и исланд-
ская селедка Хильди

ИНОСТРАНКА

Волк Семен Алексеевич, прихватив бутылку, пошел гулять просто так, насвистывая фокстрот «Лесной нахал», и увидел у тропы совершенно целую баночку импортной сельди.

Он сразу постучал и услышал в ответ из баночки:

— У аппарата!

Он сказал:

— Пришел позвать выпить и закусить!

И снова постучал.

Сельдь воскликнула:

— У аппарата!

Семен Алексеевич тогда произнес:

— Тебе не замуж выходить, мне не жениться, просто время провести, есть бутылевич.

И он опять постучал аккуратно, ногтем.

Импортная селедка ответила:

— Вызываю милицию, вот наглость. В нашей деревне все спят!

В ответ на это нетерпеливый Семен Алексеевич уже доставал свой консервный нож.

А милиционер мл. лейтенант медведь Володя тоже уже стоял над ним, накрывшись фуражкой, и просил сдать холодное оружие (консервный нож) и следовать в отделение — с такими словами:

— Это иностранная подданная куда ты покушался, понял? Исландия!

Семен Алексеевич ответил:

— Класс!

И он скоро сел на ночь в камеру предварительного заключения, где уже находились сидящие за драку комар Стасик и клоп Мстислав, которые приняли Семена Алексеевича даже слишком хорошо и радостно.

II.

ТРАВМА

Однажды Домна Ивановна спала, раскинувшись в тени молочного пакета, и паук Афанасий не удержался и предложил Домне Ивановне выйти за него замуж.

Бабочка же Кузьма позавидовал счастью Домны Ивановны и стал порхать буквально перед носом у Афанасия вправо-влево, демонстрируя свою красоту, и тогда Афанасий сбегал домой за топором и проломил хрупкому Кузьме челюсть, так что тот в течение месяца питался через соломинку, а паука называл «мужик» и в результате очень подружился с Домной Ивановной, которая отвергла Афанасия навсегда за такие дела.

ДВОЙНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Однажды улитка Герасим, начитавшись художественной литературы, повел на веревке амебу Рахиль по прозвищу Муму топить в пруд, так как Рахиль по собственной инициативе очень привязалась к Герасиму, жила в его доме в конуре и ночами выла, якобы сторожа дом, а на самом деле просто на луну.

И тем самым эта Рахиль Муму не давала спать улитке Герасиму — улитки очень чувствительны.

А уходить из дому Герасим, начитавшись литературы, не хотел, он знал, чем такие вещи кончаются, станцией Лев Толстой Казанской ж.д.

Однако по дороге эту пару с веревкой (Герасим — Рахиль) встретила собака Гуляш, который вез семью блохи Лукерьи в милицию, Лукерья хотела отселиться под крылышко медведя мл. лейтенанта Володи от своей невестки с семьей и заодно сдать Гуляша в милицию за убийство на бытовой почве Лукерьиной слепой бабки Райки, которая попалась Гуляшу на зуб, когда кормила ужином внучат.

Гуляш, безалаберный парень, видя мучения ползущей улитки Герасима, волокшего на себе дом и веревку (амебу Гуляш не разглядел), изменил маршрут

и вместо милиции побежал к пруду с изменившимся лицом (за счет торчащего в зубах Герасима и болтающейся веревки с Рахилью на конце).

Лукерье с семьей, таким образом, пришлось спастись, она высадилась в песок на полном скаку, а Гуляш выпустил Герасима в воду и долго плавал сам, зорко глядя на песчаный берег, где Лукерья вырыла блиндаж, а ее дети занялись прыжками в длину.

Что касается Герасима, то он успокоился, качаясь на волнах, а Муму, оказалось, вообще не тонет ни при каких обстоятельствах, и она снова завывала, сторожа домик в новой обстановке, с веревкой на шее.

А ловкий Гуляш вылез на другой берег пруда, не зная, что беременная невестка Лукерьи Марианна с семьей сидит у него на лбу и вяжет из собачьей шерсти трусы радикулитному мужу.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОДИНА

Однажды суслик Силантий и тушкан Жора отправились на историческую родину, в зоомагазин, переименовавшись для этого в Джорджа и, соответственно, Билла.

Там их приняли приветливо, директор поил их чаем, но вечером зоомагазин закрывался, и суслик с тушканом пошли по домам.

Угощение им понравилось, и на следующий день они опять отправились в гости, уже с женами и детьми.

Директор зоомагазина принял их опять приветливо, это был баран Валентин, и он снова поил всю компанию чаем с печеньем.

Вечером гости разошлись в приподнятом настроении, чтобы назавтра прийти к открытию уже с тещами и бабушками.

Опять был праздник, все танцевали под траляля, дети объелись канареечного корма и лежали в витринах, вызывая всеобщее любопытство и желание приобрести таких пухлых крошек на воспитание, и леопард Эдуард даже послал телеграмму, что готов всех усыновить (удочерить), и толпа моллюсков во главе с их лидером Адрианом приплыла в порт под флагами

«Гринписа» и лозунгами в защиту прав и против торговли детьми.

Четыре дня продолжалась эта заваруха, пока семья Силантия не обиделась на барана Валентина, что он дал семье Жоры (якобы Билла) больше сухарных крошек, и начался мордобой.

Моллюски вызвали прямо из воды по рации милицию, прибыл медведь мл. лейтенант Володя при ремне и с большой дубинкой, и все пошли объясняться в отделение, но никого не арестовали, потому что в КПЗ все было занято, там сидела целиком свадьба гиен во главе с гиеной Зоей, которая откусила жениху хвост (он порвал на невесте колготки, танцуя с ней вальс-бостон).

И Зоя вынуждена была пришивать хвост обратно всю ночь в КПЗ, причем свадьба целую ночь выла из сочувствия.

И они никого туда не пускали.

КАРЬЕРИСТ

Клоп Мстислав устроился работать в лабораторию лаборантом, но пока что он был стажером, и его не ставили на анализ крови, а учили на других анализах.

Он страстно мечтал о повышении, воображая себе тот момент, когда будет работать со шприцем, а пока что тщательно размазывал по стеклу и переливал то, что ему доверяли.

Труд был нетяжелый, но свой талант Мстислав здесь проявить не мог и вечерами тосковал, воображая себе завтрашний день и все эти запахи.

— Хочу на курсы повышения квалификации, — твердил он.

Однако нашлись и такие, которые ему завидовали: работа легкая, аппетитная, халатик зеленый, материалу хоть отбавляй, кругом аромат, — говорила муха Домна Ивановна, — а ты просто карьерист, Мстислав.

СИЛА ТЕАТРА

Инфузория Ася никогда не была в цирке и упросила амебу Рахиль (кличка Муму) достать ей билет.

В цирке как раз шел порноспектакль театра зверей «Ромео и Джульетта», так сказала Рахиль, и они отправились вдвоем, но ничего так и не поняли: их посадили в первый ряд прямо в песок, рядом с ромашкой Светой, и каждый раз, когда начиналась драка, Ася и Рахиль уходили в песок, а один раз в спешке обе залезли в окуроч, как раз когда кондор Акоп, игравший Ромео, взлетел под купол и спикировал оттуда на кукушку Калерию (Джульетта).

При этом Рахиль ужасно взвыла, думая, что начался конец света, а Света закрыла глазок.

В результате на обратном пути амеба Рахиль, не переставая выть, поделилась и домой к улитке Герасиму пришла вдвоем, и Герасим вытолкал обеих в шею за разврат и хождение на порноспектакль.

Но все кончилось хорошо: инфузория Ася, сконфуженная и спектаклем, и его результатом, пригласила к себе жить крошек близнецов Ра и Хиля.

Клички у них остались при этом прежние, Му и, соответственно, Му.

ГОЛОД НЕ ТЕТКА

Однажды кукушка Калерия вместо того, чтобы как следует накормить сына Шурку, привела его в гости к моллюску Адриану, якобы посмотреть, как у того интересно работает крышка.

Шурка два часа ждал, когда Адриан проснется, стучал к нему, даже ногами, а Калерия по своей привычке бросать детей улетела одна в лес, оставив Шурку стоять по колено в воде.

Адриан так и не открылся, смотрел у себя телевизор, пил из чайника, а Шурка, как дурак, стоял под дверью.

В это время на своей собаке Гуляше проезжала блоха Лукерья с семьей, и она посоветовала Шурке идти отсюда подальше.

Шурка, голодный и злой, вместо этого помчался к Гуляшу с намерением склонуть Лукерью, но Гуляш сам был голодный и встретил Шурку как полагается, так что кукушонок опять помчался с бешеной скоростью обратно к Адриану в воду, а Гуляш побежал следом.

В результате на глубоком месте Шурка взлетел, а Гуляш уже обмакнулся в воду и вынужден был поплыть. Лукерья с семьей, наученная горьким опытом, надела маски для подводной охоты.

Однако все остались живы, что и требовалось.

17.

РОЛЬ

Как-то раз плотва Клава захотела сниматься в кино и позвонила знакомому моллюску Адриану.

Сказано — сделано, и Адриан пригласил ее сниматься в фильме ужасов «Промышленное производство килек в томате» (триллер).

Роль была эпизодическая, но с выездом на Балтийское море, и все подружки потом видели Клаву в кино, там был кадр, как она садится (в роли обезглавленной кильки) в консервную банку, банка мягко трогает с места, набирает скорость — и вдруг взрыв, все летит в воздух, льется кровь.

Клава потом очень смеялась над своими подружками и говорила: «Это просто был томатный соус».

ТРУДНОЕ ДЕТСТВО

Однажды баран Валентин пошел в парикмахерскую и попал к мастеру моли Нине, у которой сидела огромная очередь.

Нина стригла не торопясь, но очень тщательно, и ни мусоринки, ни волосинки не оставляла даже на полу. Барана Валентина очень заинтересовала такая чистоплотность моли Нины, и он долго восхищался.

На этот вопрос скромная Нина, потупив глазки, ответила, что в детстве недоедала и привыкла все до крошки подчищать.

Но что теперь она никогда, никогда не будет полной.

Баран обратил внимание на серебристый ореол вокруг Нины, на ее крылья и подумал: «Ангел».

ТРИ СЕСТРЫ

Однажды три сестры — гадюка Аленка, крыса Надежда Пасюк (старшая) и росомаха Жанна (младшая) отправились на вокзал, чтобы ехать в деревню сажать картошку.

Денег на всех не хватило, билет был куплен один, и поэтому решили Аленку положить в чемодан, а Надежда Пасюк поехала бесплацкартным во внутреннем кармане Жанны.

Жанне в дороге было скучно, и она все время переговаривалась то с чемоданом, то со своим внутренним карманом, а соседи делали вид, что ничего не понимают.

Но все прояснилось, когда пришло время обеда, потому что гадюка Аленка даром времени не теряла: сидя в чемодане, она наделала бутербродов и приготовила на спиртовке кофе.

Росомаха с Надеждой Пасюк тоже влезли к ней в чемодан и там обедали, а потом там же легли спать и в результате накрылись крышкой, затянулись ремнями и захлопнулись.

Но якобы беспризорный чемодан был украден из купе гиеной Зоей, которая решила поддержать свою дочь, приодеть и приобрести ее и с этой целью села

Тру аетр

в поезд, якобы торгуя хрусталем, а на деле гремя пустыми бутылками.

Каково же было удивление Зои, когда она торжественно раскрыла чемодан перед дочерью и родней дочери (муж-шакал, свекровь, свекор и пять золовок-шакалок) — а в чемодане спала пушистая крошка росомаха Жанна! (сестер не было видно под нею).

Когда, однако, Жанна привсталала, тут удивлению большой семьи не было границ: показалась грозная Аленка в дорожном галифе и с хлыстиком, а за ней вылезла неприветливая крыса Надежда Пасюк в ватнике и резиновых сапогах, с лопатой в руке: ехали-то сажать картошку.

Гиена Зоя давно испарилась, и расхлебывать пришлось ни в чем не повинным шакалам, которые под мудрым взглядом гадюки Аленки раскошелились и оплатили трем сестрам три билета в мягком вагоне в Москву! (В Москву, в Москву.)

Бабочка Жузема
и оса Цосип

Шикарная красотка оса Фенечка тосковала у телефонной будки после драки с отцом, который выгнал ее чугунной сковородкой из родного гнезда.

Феня размышляла, кому бы позвонить, и наконец позвонила таракану Максимке, у которого всегда сидели знакомые.

Но Максимка — такой редкий случай — только вчера опять женился и теперь укладывал спать новорожденных детей.

Тогда Феня позвонила другу, бабочке Кузьме, но тот из опасений не подошел к телефону.

После этого оса Феня позвонила червю Феофану, но к телефону подошла муха Домна Ивановна и посоветовала забыть этот номер.

Тогда — что делать! — оса Феня решила без звонка ехать к пауку Афанасию, о котором шла дурная слава.

И, предвидя скорбное лицо деспота-отца, Феня отправилась в опасные гости.

Афанасий, однако, делал очередной ремонт, даже присесть не предложил, не то что выпить чаю.

Пришлось Фенечке ехать обратно в свое осиное гнездо, выслушивать снова проклятия отца, видеть

мрачную мать и укладываться спать среди шума и гама, производимого собственными Фенечкиными детьми, и это при том, что у отца и матери Феня была сто пятнадцатой дочерью.

Главное, что у Фени рождались только девочки. Легко понять в таком случае отца, который раздражался, чувствуя свою ответственность, при каждом следующих родах.

Его звали Иосип.

ЗАЩИТА НИНЫ

Однажды воробей Гусейн стал очень интересоваться молью Ниной и встречал ее после работы, глядя огненным взглядом из куста.

Нина вела скромный образ жизни и не любила таких поворотов судьбы, тем более что всем была известна репутация Гусейна (муха Домна Ивановна, то вдруг комар Томка, то, что совсем неуместно, история с бабочкой Кузьмой).

Хотя что-то привлекательное в воробье Гусейне было, красивые глаза, например, могучие крылья, которые он простирает из кустов, затем крепкие, выпуклые мужские ноги!

Короче говоря, возникла типичная картина, пока в дело не вмешался козел Толик.

Он объел весь куст, в котором обычно прятался Гусейн, — козел и раньше хотел его (куст) объесть, но мешали моллюски «Гринписа».

А вот когда поднялся всенародный ропот против воробья Гусейна (приметы: усы, желтые очки) — то Толик при всеобщем одобрении стал быстро объедать куст и даже зацепил Гусейнову лапку, приняв ее за ветку, и выпал и раскрылся чемодан Гусейна, в котором тот хранил подтяжки, записную книжку, муравьиные яйца вкрутую и разные мужские мелочи типа кулька с сухим конским навозом.

ЖАЖДА СЛАВЫ

Как-то раз объявили рыболовные соревнования, и карп дядя Сережа, червь Феофан и муха Домна Ивановна получили персональные приглашения, причем с намеком на завоевание медалей.

Карп очень любил всякие блестящие штуки на груди и сразу согласился.

Требовалось немного поголодать накануне, и все.

Червь Феофан, со своей стороны, и муха Домна Ивановна также начали опять-таки готовиться к событию у себя на огороде, и все бы кончилось благополучно, но в самый день соревнований у кого-то скисла вишня, и целую кастрюлю вылили на помойку, так что ни о каких рыбалках и вообще ни о каком спорте вопрос больше не стоял, Домна Ивановна лежала на боку и никак не могла даже произнести какое-то слово на букву «ж», червь Феофан вообще исчез с лица земли, а вот карп дядя Сережа, приготовившись к состязаниям, не удержался и второпях проглотил шнурок от затонувшего ботинка и все воскресенье провел в пруду около этого ботинка как привязанный.

Вот к чему приводит жажда славы.

ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ

Леопард Эдуард сидел с чашкой кофе с пирожным, играя сам с собой в шахматы: полный кайф!

Однако муха Домна Ивановна заинтересовалась его игрой в шахматы и стала активно болеть на стороне Эдуарда, заняв наблюдательную позицию на его пирожном.

Эдуард, впрочем, быстро съел пирожное и выпил кофе, и тогда Домна Ивановна заняла наблюдательный пост на его носу, имея в виду крошки в бороде леопарда и неоконченную шахматную партию.

Два раза Эдуард бил лапой по Домне Ивановне, попадая себе в нос, и три раза он попал себе в глаз.

Затем, не окончив шахматную партию, Эдуард умчался с поля (скорость 160 км/час), и Домна Ивановна, не догнав его, вернулась к шахматной доске, где ползала среди фигур, ничего не узнавая вокруг, какие-то колоссальные статуи и колонны.

И тут над ней стал снижаться любезный паук Афанасий и быстро сплел ей удобный гамак.

Домна Ивановна плюнула в Афанасия, попала и, считая шахматную партию выигранной, улетела обедать в мужской туалет.

Афанасий же быстро соткал себе носовой платок и утерся, делать было нечего.

ЭЛВИС ПРЕСЛИ

Однажды крыса Надежда Пасюк записалась на курсы рок-н-ролла, обожая Элвиса Пресли.

И ночами при лунном свете тренировалась с закидонами, мешая спать микробу Гришке, соседу.

Гришка и так и эдак ворочался на кровати, затыкал уши, накрывался подушкой-думочкой, но все равно результат был как при землетрясении.

Надежда Пасюк дико прыгала, и Гришка каждый раз как с горы ухал, как на аттракционах в парке, только бесплатно и у себя в кровати.

Безобразие какое, думал Гришка ухая.

Наконец Гришка не выдержал и пошел стучать соседке в стенку, но стучать он пошел не один, а перебудил всех родственников, и они кто с чем, кто с табуреткой, кто с половником, кто с инструментом типа дрель пошли, разбуженные, стучать в стенку, тем более что даже почва у них под ногами колебалась (Надежда Пасюк отработывала закидоны).

В результате той же ночью крыса Надежда Пасюк помчалась в больницу с жалобой на боли в ушном отверстии, голова просто раскалывалась, и фельдшер кондор Акоп закапал ей в ушную ямку

борный спирт, который произвел благотворное воздействие: микроб Гришка, чуть не потонув в борном спирте, нахлебался, его развезло, и они всем стойбищем с родней пели до утра песни под стеной, которая одновременно служила Надежде барабанной перепонкой.

И в конце концов все заснуло, и Надежда, и Гришка в ухе.

КОЗЕП ТОЛУК

Как-то раз многодетная мать коза Машка уехала на соседском тракторе за вином (старший сын решил через час жениться) и не нашла ничего лучшего, как оставить мужа, козла Толика, стеречь грядку с капустой (козел Толик был к еде равнодушен).

Но, на беду, волк Семен Алексеевич гулял поблизости с бутылочкой виски.

В результате Машка, вернувшись с ящиком портвейна на плече, мужа на огороде не нашла, но зато вынуждена была крупно разговаривать с бабочкой Кузьмой, который был пойман на месте преступления с ножницами (выстригал в капустных листьях кружева).

Кузьма плакал, трепетал, говорил, что это у него разыгрались животные инстинкты, что он сам не помнит, как взял педикюрные ножницы и оказался на огороде, говорил, что таким его сотворила природа и ссылался при этом на гусеницу Николавну, которая бы вообще не оставила на капусте живого места, а тут все же получилось красиво, ажур.

Коза бегала по огороду за бабочкой Кузьмой, оставив ящик в тени у сарая, с ящиком не побегаешь.

Ящик тем временем взялся стеречь козел Толик с Семеном Алексеевичем — волком, причем по собственной инициативе, и в результате позже, на свадьбе, гости были вынуждены пить пробные духи козы Машки, ее лосьон для ног и жидкость для послебритья бороды, ничего другого не было, и нахал волк Семен Алексеевич пил наравне, хотя его не приглашали.

А Машка в это время стояла над помойной ямой, где прятался козел Толик, и засыпала мужа вопросами типа «где у тебя совесть?», и «скажи, что я сыну скажу?», и «как можно воровать у собственных детей?», и «ты знаешь, что я вынуждена сдавать молоко?».

Толик отвечал на это только «меме».

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ

Однажды муравей Ленька пригнал стадо в деревню и сказал хозяевам Зорьки, что та беспокоилась и рыла копытом.

И не зря: на рассвете Зорька отелилась.

Принимая десятого тленка, муравей деда Миша обнаружил у него ущерб, семь ног, и вызвал ветеринара, муравья Галину Мурадовну, которая за бутылку местного спирта поставила диагноз, ссылаясь на окружающую среду, т.е. на дырявую банку изпод хлорофоса (фреон, хлор, фосфор, разрушение озоновой дыры).

Была вызвана тяжелая артиллерия (за пол-литра муравьиного), т.е. баянист слепец крот Николай, который сделал захоронение объекта и могильник типа саркофаг над банкой, чем, в свою очередь, была возмущена крыса Надежда Пасюк; которая вылезла в ватнике и с любимой лопатой наперевес и заявила протест в «Гринпис», моллюску Адриану лично.

Что касается моллюсков «Гринпис», то дело было передано в оргкомитет, начались акции, презентации, банкет и собственно симпозиум, и Надежде Пасюк была выделена стипендия типа грант,

на что она решила издавать журнал «Земля и воля», а затем стала ездить повсюду с лекциями, и ее изображение в шапке-ушанке ушами вверх, тесемками вниз, стоя резиновым сапогом на лопате и в ватнике, стало символом зеленого феминизма.

На родину она, в поле, уже не успевает, одна мысль о банке из-под хлорофоса толкает на борьбу.

Что же касается тленка Букета, то он тоже внесен в книгу рекордов, так как на своих семи плюс два колеса он играет в футбол и недавно пошел в кругосветное плавание.

Банка же из-под хлорофоса стала местом обитания бомжей, жука-солдата Андреича в сцеплении с женой Веркой, которые в кругу правнуков живут-поживают, добра наживают, пьют исключительно цианистый калий, разводя метилом, а несовершеннолетним дают только на доньшке, это уже вопрос воспитания.

ЙО МОЙО

Однажды кукушонок Шурка решил пойти в гости, но не предупредил хозяев.

В результате пришлось соваться в форточку.

К тому же, когда пришли хозяева, Шурка по-глупому заметался, ища часы, и вынужден был залезть в такое неудобное место, как будильник, и там заночевал.

Хозяева ничего не заметили, Шурка был не такой дурак, чтобы куковать, но к утру он не вытерпел.

Результатом было то, что под будильник натекло.

У хозяев возникла мысль, что будильник помарался.

Но дело на том не кончилось. Шурка опозорился окончательно, сильно расстроившись.

Хорошо еще, что хозяева выкинули вонючий будильник, и изумленному взору мухи Домны Ивановны предстал кукушонок Шурка, выбирающийся из помойки, но в таком виде, что Домна Ивановна сказала только «йо мойо».

ЛАВ СТОРИ
(Роман)

1. Однажды амеба малютка Хиль (Му) влюбилась в моллюска Адриана, так бывает, и стала ему звонить, причем на «Але» не откликалась, а только дышала в трубку.

В результате моллюск Адриан перестал вообще подходить к телефону, боялся.

2. Тогда малютка Хиль (Му) послала Адриану телеграмму, где вместо слов были только точки (тчк, тчк, тчк), а также без обратного адреса и подписи.

Такова сила любви.

3. Разумеется, моллюск Адриан еще больше замкнулся в себе и даже не открыл якобы почтальону с телеграммой, а на самом деле это была сама Хиль, то есть Му, которая затем в нетерпении стала бить ногой в дверь.

4. Не добившись приема телеграммы, малышка амеба Хиль Му сбегала за гвоздодером и стала буквально ломиться в дверь, так что образовалась щель между створками Адриана, и туда внесло здоровенную песчинку, выкатить которую Адриан не успел, так как захлопнул створку.

5. Но тут прибыл младший лейтенант милиционер медведь Володя, который сделал замечание Хиль Му

и отобрал у нее гвоздодер как вещдок, и Хиль поневоле удалилась, раздумывая о том, а не поджечь ли милицию.

6. Что же касается Адриана, то случайная песчинка, попавшая к нему в раковину, причиняла чувствительному моллюску большие мучения, но выкидывать ее он не решался, боялся открыть дверь (см. п. 1—3) и жил старыми запасами, прислушиваясь к звукам со стороны.

7. И, как это бывает с моллюсками, он от раздражительности и постоянного присутствия песчинки нажил так называемую каменную болезнь, ничего хорошего, камень был затем удален фельдшером кондором Акопом при помощи штопора, тайно, в ночных условиях.

8. Но на этом история не кончилась, так как младший лейтенант медведь Володя, придя на шум, изъяс этот камешек и присовокупил к выставке вещественных доказательств, где уже висел гвоздодер, (см. п. 5), поскольку собирал компромат на несовершеннолетнего подростка Хиль (кличка Му), которая во главе шайки одноклеточных и простейших активно прогуливала школу.

9. А вот кукушка Калерия, посетив милицию с очередным заявлением о розыске ребенка (пропажа яйца), случайно прошла по выставке вещественных доказательств и затем выступила по радио с кукованием, в котором прямым текстом заявляла, что моллюск Адриан забеременел и родил от несовершеннолетней указницы Х.М. плод любви, и этот плод любви отнят у родителей и воспитывается в невыносимых условиях: милиция, полка в шкафу.

10. В той же речи кукушка Калерия заявила, что готова взять на воспитание сиротку, так как сама выросла сиротой при живых родителях и знает, как растить сиротку-ку-ку.

11. Но милиционер медведь младший лейтенант Володя в ответ на это запер камень в сейф, так как он показался ему похожим на бельевую пуговицу — т.е. на вопросы не отвечал, ни есть, ни пить не просил и сиротой не выглядел, а, наоборот, блестел как новый.

12. А моллюск Адриан откочевал в камыши, справедливо полагая, что со временем все забудут про него, и занялся проверкой бухгалтерии моллюсков «Гринписа».

P.S. И так оно и произошло в результате драки между жуком-солдатом Андреичем в сцеплении с женой Веркой, с одной стороны, и сестрой Андреича Лидой.

Все забыли про Адриана.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Однажды жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой (под ручку) пошел в гости к жуку Лиде.

— К сестры, — как потом дала показание жук Верка.

Они туда пришли, как полагается, на день рождения жука-солдата Андреича, решив отметить этот праздник у Лиды.

— У сестре, — как уточнила потом жук-солдат Верка.

Лида, наоборот, не ждала брата жука Андреича в гости, а была занята, гнала сок из гнилого пенька через трубочку, а дети стояли вокруг, растопырившись.

— Глаза-то у тебе, как очки, — якобы сказала жук-солдат Лида, заметив большой интерес, проявляемый жуком-солдатом Веркой, которая смотрела, вылупив фишки, на процесс.

— У кого? — уточнила, по ее словам, жук Верка, но Лида переключилась на пень, как раз процесс пошел, и дети заметались, таская посуду.

Жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой начали помогать, схватили по ведру и помчались, но обратно не пришли, а заночевали в колее.

Наутро, явившись в сцеплении с мужем Андреичем, жук Верка намекнула, нет ли чего поправиться.

— Для тебе, для змее, — якобы ответила Лида, но она ответила еще хуже, и дело было передано в суд вместе с показаниями и справками от фельдшера Акопа, выданными обеим потерпевшим сторонам (вывих рога, волочения подкрылий, перелом третьей—пятой щетинок).

Но теперь это дело прошлое, и как говорит жук-солдат Верка:

— От своей сестре не уйдешь, к сестры же и возвращаешься, к Лиды: родня.

ДЯДЯ СТЕПА ЭМИГРАНТ

Блоха Лукерья с мужем блохой дядей Степой даром времени не теряли, плодились и в результате решили эмигрировать.

Их собака Гуляш вела себя кое-как, на всех новых Степанычей реагировала активно, то и дело возникали кровопролития, Гуляш чесался как ненормальный.

Лукерья, езда на Гуляше малой скоростью, из своих джунглей наблюдала за международным положением и наконец в нужный момент выполнила вдвоем с мужем блохой дядей Степой парный прыжок тройной тулуп безо всякой регистрации: спорт не имеет границ.

Эмиграция оказалась удачной.

Зажили счастливо, новые места, народились детки, муж блоха дядя Степан отстроился, завели кооператив и садовый участок, дети повырастали, основали затем микрорайон «новые Гуляши» и так далее, пока леопард Эдуард, мучимый непонятными чувствами, не начал чесаться как сумасшедший.

Затем по совету кондора, фельдшера Акопа, он принял ванну, накапав туда спецшампунь: у кондоров зоркий глаз и точка обзора.

Влоха Лукерья и
Блоха дядя Степа

Блоха Лукерья с мужем блохой дядей Степаном никогда до тех пор не мылись в шампуне и не знали, что это такое, и в результате, все в мыле, вынуждены были репатрироваться, сначала куда пришлось, в кучу глины, а затем улучили момент и возвратились на старую родину к собаке Гуляшу, который даже и не заметил ни их эмиграции, ни возвращения, а скребся по-прежнему как осатанелый, и блохи усмехнулись: ничего себе родина встретила!

Хотя помнившая их по доэмигрантским временам родня первое время интересовалась, но потом все привыкли и уже не слушали, как дядя Степан хвалит чистоту и аккуратность Эдуарда, но всегда прибавляет насчет бездушия, а тут, дома, где родился, там пригодился.

УИМБЛДОН

Как-то раз карп дядя Серега и клещ Юра, насмотревшись спортивных телепередач, решили сыграть в теннис и для такого случая пригласили улитку Герасима в качестве мяча, а находящуюся на диете плотву Клаву в качестве теннисной ракетки.

Посланный сильным ударом карпа дяди Сереги (Клавой по кумполу) в правый угол, Герасим, однако, достиг места только на следующий день к вечеру, никакого клеща Юры там не обнаружил, уже смеркалось, и он решил возвращаться к месту подачи.

Карп же Серега и тот же клещ Юра, устав ждать, занялись другими делами, и, когда Герасим через неделю прибыл для следующей подачи (обратная дорога всегда длинней), Серега с клещом уже находились в милицейском розыске, так как, купивши пива и не найдя закуски, они попытались расчленивать плотву Клаву.

В результате Клава сошла с диеты и за считанные дни так расцвела, что улитка Герасим ее буквально не узнал.

— Тем более что я с икрой, — ответила она Герасиму.

— Но не от меня, — сказал осторожная улитка Герасим и с максимальной скоростью (60 см/час) почесал к берегу.

СЛУЧАЙНЫЙ ВАЛЬС

Однажды олень Фердинанд и плотва Клава отправились в ресторан «Сайгон» якобы потанцевать (Фердинанд обожал вальс).

Фердинанд заказал постное, осиновую чурку три порции, а Клава, наоборот, попросила бутылку воды из дождевой бочки и знала, что делала, так как вскоре после первого стакана пришла в веселое настроение, поминутно отрыгивала и утиралась скатертью.

А затем вообще отвалила в туалет и не вернулась.

Что касается Фердинанда, то он, поглотивши чурок, допил за Клавой всю бутылку и долго удивлялся, как за такую неважно пахнущую воду столько пришлось платить.

В результате явились моллюски «Гринписа», ведомые лягушкой Женечкой, с флагами и плакатами против абортгов, а с Фердинанда содрали большую сумму дополнительно как за две порции лягушачьей икры, причем Женечка всенародно плакала и проклинала тот день и час, когда доверилась директору ресторана и отпраздновала свою свадьбу у него в так называемом Круглом зале, в бочке, проще говоря.

«Ресторан — рассадник порока, — написал потом Фердинанд в газете брачных объявлений «Оленеводство». — От этого страдает молодое поколение».

А в конце стояло: «Молодой, с хорошо развитой головой, рога 117 см, материально не обеспечен», далее адрес и телефон.

КРАСАВИЦА ВОСТОКА

Как-то клещ Юра подцепил гонконгский вирус «А», Маргариту, и привел ее прямо в семейный дом к жене и детям под видом литературного секретаря, что она за ним все будет записывать.

Было ясно, что он больной и за себя не отвечает, но вирус Маргарита вскоре очаровала всех, кроме жены клеща Юры, тети Оксаны, которая по телефону с подругами называла Маргариту конспиративно «косая харя», имея в виду Гонконг.

Ну и что произошло?

Тетя Оксана была права, и ей единственной пришлось ухаживать за всей семьей, борясь с их горячкой и бредом относительно того, что все они хотели видеть Маргариту родной мамочкой, а старший сын вообще восстал на отца с кухонным ножом, а тот ответил табуреткой — но вирус есть вирус, против природы не попрешь, и Маргарита, красавица Востока, ушла однажды с комаром Стасиком, который по своей привычке заваялся в случайные гости к клещу Юре и даже не заметил, как все произошло.

И только через месяц, когда комар Томка уже угодила в санаторное отделение психбольницы

после принятия газа (лежала у пня на болоте среди цветов дурмана, красивая как Офелия), только через месяц наша Маргарита, получив зарубежный паспорт, оставила Стасика в покое и улетела в Америку с кондором Акопом в служебную командировку как референт на симпозиум кондоров, где и осталась на ПМЖ.

И кто ухаживал за Томкой?

Все тот же клещ тетя Оксана.

ЖЕНЩИНЫ ПРИСТАЛЬНЕЕ МУЖЧИН

Однажды волк Петровна долго ждала мужа Семена Алексеевича, он обещался внести на питание, но позже возможности Петровны кончились, она сказала детям «айда» и стала складывать скатерти и трехлитровые банки, а дети поняли это дело буквально и сразу пошли гулять, ничем опять-таки не поддержав.

Вернувшийся под утро волк Семен Алексеевич успокоил супругу, пришлось распаковываться обратно, а фотографию гиены Зои (химия, тушь для ресниц, колготки) — эту фотографию волк Семен Алексеевич спрятал в карман-пистончик, сложив в восемь раз, для дальнейших воспоминаний.

Волк Петровна нашла фотографию при еженедельном шмоне, расправила и долго вглядывалась в соперницу, а затем решила посмотреть на себя со стороны абстрактно, путем двух зеркал. И что оказалось?

Глаза большого накала, 100 вт., шея низкая, не откажешь, грудь обжимистая, нога утоптана в шагу, холка как на портрете, брылья свежие, брудастость и комок, подпалины хоть на эстраду и т. д., т. е. так наз. Семену Алексеевичу что еще надо, неизвестно.

В результате волк Петровна пошла к парикмахеру, моли Нине, сделала себе много чего, даже парилась над тазиком, перенесла ошип усов и обмазку бровей чем-то вонючим до покраснения, а волк Семен Алексеевич опять пришел под утро, когда абсолютно никого не видать, да и в дальнейшем вел себя так, как будто ничего не произошло.

А на прямой вопрос брякнул вообще слово «да», и вышло по-дурацки, ибо вопрос был: «Когда подаем на развод?»

Так все и повисло в воздухе, хотя результатом было то, что все соседки в один голос говорили, что Петровна помолодела и выглядит как сразу после окончания зооветкурсов.

Женщины пристальнее мужчин.

ПЛАЧ БАРАНА

Как-то баран Валентин решил: довольно носить каракуль, надо сменить внешний вид, в мехах шляться неприлично, моллюски «Гринписа» даже вывесили плакат: «Мех шубы кричит: когда меня убивали, я плакал».

Баран Валентин тоже плакал над этим плакатом, тут же пошел к моли Нине в парикмахерскую, отдал всю шерсть на утепление гнезд детям кукушки Калерии, т.е. не отдал пока что, с этой благотворительностью трудно дойти до адресата — потому что кукушку Калерию еще надо найти, не говоря уже о ее детях, которых она сама ищет в оголтелом состоянии с криком «ку-ку», что расшифровывается как «найду — выпорю».

Вместо каракулевой шубы баран Валентин приобрел себе импорт, ватник производства одной из тропических фабрик, и все было бы хорошо, но после стирки ватник исчез как таковой, остались куски материи разной формы и комки ваты, ни фиги себе.

Баран Валентин плакал и над этими кусками, но делать было нечего, пришлось пока что ходить налысо, хотя одно утешение нашлось: овца Римма сказала пословицу типа «Не ковер — отрастет», имея в виду мех барана Валентина.

Теперь баран Валентин в пику моллюскам вывесил у себя на дверях плакат: «Когда я купил ватник, я плакал».

ВЕРА В МУЖЧИН

Плотве Клаве как-то пришлось дать в рыло клещу Юре, который буквально испортил ей день рождения, напился пьяный, вцепился в Клаву и признался ей в любви при всех, в том числе и при живой жене клеще тете Оксане.

Но тетя Оксана восприняла эту пощечину плохо, молча собрала мужа, завязала ему штаны узлом, закинула его за спину и уволокла, в первый раз, что ли.

Плотва Клава потом приходила извиняться за пощечину, принесла клещу тете Оксане баночку икры собственного посола и т.д.

Но надо сказать, что клещ дядя Юра в трезвом виде, что называется, себя не помнил, сидел надувшись, смотрел футбол (наши против зарубежной сборной энцефалитных), тетя Оксана поставила чайник, о любви речи не было.

Разочарованная плотва Клава собралась было уходить, но тут в нее впилась дети, потащили к себе играть в «больницу», все-таки дети слишком настырный народ, напропалую ставили ей уколы как бы понарошку, и Клава еле выбралась из помещения, ничего себе игры.

И Клава в очередной раз поклялась не верить мужчинам.

ПСИХОЛОГИЯ

Собака Гуляш наконец добился взаимности у гиены Зои, т.е. раз в неделю по выходным гиена приезжала к Гуляшу на такси и потом по утрам варила ему кофе.

Хозяева Гуляша, блохи Лукерья с мужем дядей Степой, смотрели на это дело благосклонно и даже как-то заночевали у гиены под левой ногой.

Но местные парни пришли с руганью, поддатые, опрокинули палатку Лукерьи, саму ее обозвали «бабулей», семейный котелок вылили и т.д.

Лукерья на бабулю реагировала бурно, кричала «вы не блохи», но дядя Степа, терпеливый, как многие мужья, сказал «ноу проблем», по-хорошему сложил вещи в рюкзак, и супруги поскакали обратно, благо Гуляш в это время добивался взаимности Зои и был, что называется, близок.

Гуляш, правда, потом очень чесался на нервной почве, потому что еженедельно платить за такси туда-назад, затем покупать гиене колготки вместо рваных и запасаться кофе — это чисто психологическая проблема, с которой не каждый мужчина согласится.

Но правду знала только блоха Лукерья, Гуляш чесался оттого, что она перешла на усиленное питание в связи с тем, что опять-таки ожидала маленьких, та ночь не прошла даром.

Так что психология психологией, а все решает питание.

МАККАРТНИ

Гиена Зоя, староста ночного хора гиен, долго хлопотала и наконец выписала дирижера из шестой волны эмиграции, сову, партийная кличка Седой.

Он, однако, прилетел со своими нотами, и, когда хор гиен в первом часу ночи мощно затянул новый репертуар «Как дело измены, как совесть тирана», затем песню «Тяжелой неволей», «Вы жертвою» и, наконец, гимн политкаторжан «На десятой версте от столицы», все в округе не могли уснуть, и кое-кто плакал.

Козел Толик с мокрой от слез бородой поперся на старое место в огород и долго беседовал через забор с ромашкой Светой о ценах; волк Семен Алексеевич впервые всерьез задумался о гиене Зое и о ее имени; воробей Гусейн все ворочался в бузине и читал старые бабины письма из Акатуйской тайги, а клоп Мстислав снова и снова, сидя на простыне, клялся отомстить за кровь отца.

Утром все, однако, просохли и не стали возводить баррикады, тем более что была горячая пора консервирования, и даже леопард Эдуард, большой сибарит, закатал пять трехлитровых баллонов пирожных безе.

Дирижер сова Седой, однако, на следующую ночь зафиндил концерт из произведений зарубежных композиторов, и хор гиен могуче исполнил песню «Мишел ма бел» на слова Маккартни, музыка народная.

И все улеглись спать счастливые, такова сила искусства.

СЛАВА ЗАЙЦЕВ

Клоп Мстислав дрался на шпагах с комаром Стасиком, оба они шли на первый разряд по фехтованию, и счет уколов был фифти-фифти.

Однако когда среди зрителей оказалась свинья Алла, на сей раз в костюме от Зайцева (четыре черных прозрачных бюстгальтера и мини), комар Стасик не вытерпел, потерял голову и применил к клопу банальное хакакири.

Однако клоп Мстислав еще раньше, никем не замеченный, прополз под шпагой и больно укусил комара Стасика выше колена, насколько достал.

Оба были дисквалифицированы, и свинья Алла удалилась, качая мини.

А комар Стасик повез жену комара Томку к зубному, так как она в решающий момент схватки хрустнула челюстями и передний главный шприц повис.

Надо сказать, что комару Стасику и самому требовалась медпомощь, т.к. укушенное место подергивалось, но Стасик как мужчина терпел и молчал, тем более что образ четырех Аллиных прозрачных бюстгальтеров все время возникал перед ним.

Самое интересное, что комар Томка то же самое видела и в своем воображении, хотя якобы стонала от бормашины.

Ведь правильно говорят, что у мужа и жены должны быть одинаковые взгляды на жизнь — в этом основа крепкой семьи.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ДАНТЕ

Исландская селедка иногражданка Хильда была красавицей. Об этом все знали со слов волка Семена Алексеевича, который мечтал о встрече, но вскрыть импортную баночку Хильды не мог, не было зарубежного паспорта.

Волк Семен Алексеевич даже начал писать стихи о Хильде, носил их по редакциям и пел там под гитару, несмотря на то, что был женат.

Хильда же жила уединенно в своем горчично-масляном соусе, и, надо сказать честно, баночку так никто и не вскрыл.

Именно поэтому, несмотря на жену и наличие гиены Зои, волк Семен Алексеевич мечтал о селедке Хильде — недостижимое всегда манит.

Хильда же (кто заглянет в женскую душу?) плакала в своем уединении, ловя по радио песни волка Семена Алексеевича, особенно в исполнении гиены Зои в сопровождении хора гиен, с припевом «Я Хильдой-дой-дой» и «У Хильды-ды-ды» с соответственными рифмами.

Ведь они даже не здоровались, прямо как Данте и Беатриче из книги «Новая жизнь», «Vita nuova».

ДИЕТА

Муха Домна Ивановна не обращала внимания на свой внешний вид, и так не было отбоя, но она регулярно мыла под мышками и ноги, считая: гигиена для женщины — самое главное.

Но как-то раз Домна Ивановна горько пожалела о том, что ее не пригласили на конкурс красоты, а там участницам давали талоны на обед, и слухи ходили самые волнующие.

В результате Домна Ивановна прорвалась на этот обед вне конкурса, когда еще участницы ползали по сцене голодные.

Ну и что оказалось?

Домне Ивановне ее обычная диета пришлась все-таки больше по вкусу, а в так называемом жульене она вообще увязла, а ну его в болото. В результате Домна Ивановна долго умывалась под мышками, прежде чем полететь обедать в любимые места, к Аллочке, к свиньям.

ПИКНИК

Комар Томка, плюнув на все, решила выпить в компании подруг пивка, и стаканы весело звенели вечерней порой над болотом, дзззззззззз...зынь и т.д.

На этот аппетитный звон вылезла лягушка Женечка, трудолюбивая, как всегда, и с мужем лягушкой Самсоном на закорках.

В результате Самсон сразу по выходе в свет разинул на комара Томку пасть и вылупил свой длинный язык, а лягушка Женечка сделала то же самое и в том же направлении.

Сцепившись языками, муж и жена просидели в таком положении некоторое время, хлопая глазами, а комар Томка с кучей подруг давно села на электричку и отвалила домой.

Где, кстати, ее никто не ждал по причине того, что муж комар Стасик сидел у врача насчет укуса клопа Мстислава, боясь бешенства или чего еще получше и потому временно будучи осторожным с женой.

Кто ее все-таки неутолимо ждал, так это лягушка Самсон вкупе с женой лягушкой Женечкой, но не всегда мы стремимся к тем, кто нас жадно ждет.

Тем более, что комар Томка все-таки себя ценила и делала себе маникюр, к примеру, причем ярко-красный.

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Сколько раз блоха Марианна говорила своему радикулитному мужу, блохе Валерику, что надо делать гимнастику, и призывала в свидетели блоху Лукерью как свекровь.

Но радикулитный муж блоха Валерик только руками разводил, а ногами не мог ни одной из четырех, страшное дело.

А ведь все оставалось на Марианне, садовый участок, если что тащить, опять она, дети на ней и т.д.

Дело чуть не дошло до развода, но их общая собака Гуляш обратился к ветфельдшеру кондору Акопу, у того нашлись остатки болтушки от блох, и Гуляш с гиеной Зоей взаимно намазались под очередной выходной.

После чего блохи, все разом, вообще перестали скакать и еле передвигались, словно навазелиненные, а потом и вообще наступили черные дни, Гуляш вывалился в пыли, как бродяга.

Вот тут все и выяснилось, когда семья Марианны, вся намашенная, пыльная и мохнатая, сидела в углу за веником, особенно Валерик вроде домового.

Такие вот превратности судьбы.

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, блоха Марианна внезапно пожалела блоху Валерика в его ужасном виде, и семья сохранилась.

ДЕДУШКА ЭДИК

Такой щекотливый момент, что леопард Эдуард жил привольно, бегал в полях (скорость 160 км/час), питался пирожными и кофе, и никто не знал о его тайной страсти — так всегда с аристократами, скрывают.

Леопард Эдуард в полях прославился среди мышей тем, что обожал играть одной лапой: подкидывал, ловил и т.д., и все одной лапой.

Кстати, с мышами ничего не случилось, леопард соблюдал правила гигиены, даже мыл перед игрой лапу, но все-таки моллюски «Гринписа» получили телефонограмму от мышей, родителей некоей Софы, которая сбежала к Эдуарду покувыркаться и не вернулась.

Моллюски приняли меры, плавали с плакатами, стреляли из ракетниц, Эдуард ничего не мог понять, а все дело оказалось в том, что мышь Софа, попав к Эдуарду, прогрызла у него в комодке дыру и спряталась в носке, где свила гнездо и принесла мышат, видно, пришло ее время.

Леопард вынужден был удочерить (усыновить) пятнадцать мышей, среди которых были и родители Софы, и дедовья до третьего колена, не разбери поймешь.

Однако жениться Эдуард отказался наотрез, мотивируя это тем, что дети и дедушки не его, и даже настаивал на каких-то (лопух) анализах крови, бормотал о видах, подвидах, классах и семействах, ну и получил что хотел: брать кровь взялся клоп Мстислав, который на радостях от трудового процесса так наклюкался, что на все вопросы ответил «да», в том числе и на вопрос о поле и возрасте леопарда.

Прокурор свинья Алла требовала экстрадикции, сторговались на алиментах.

Но детки Софы быстро выросли, переженились, алименты вроде бы отпали сами собой, однако поколения мышей не покидают деду Эдика и, уходя в кино, бросают на него малышек, а он аккуратно подкидывает их в воздух чисто вымытой лапой.

ПОБЕДА ПО ОЧКАМ

Волк Семен Алексеевич чистил зубы как раз на прошлые ноябрьские и потому очень удивился, когда клык (третий левый верхний) начал ныть.

Лечение было известное: как говорится, положи и теплой водки тебе в мыльницу. А все дело было в том, что микроб Гришка по прозвищу Джомолунгма повел своих на штурм пика им. Луи Пастера, царствие ему (Луи) небесное, он помер, а дело его живет, т.е. микробы.

Заночевали, как водится, на бивуаке, к рассвету были готовы, загасили костры испытанным мужским способом, прошерудили в базальтах ямку, сложили туда все отходы, как учит «Гринпис», затем местный проводник Ли (Утренняя Зорька) начистил ледорубы до алмазной грани, проверили связь, но, как только вышли на маршрут и просквозили первый отрицательный угол, тут же начался горячий ливень, да какой!

Просто последний день Помпеи.

Утренняя Зорька, местный абориген, шедший первым, принял на себя удар и скопытился быстро, завел «Реве та й стогне Днипр широкий», начал качаться на месте.

Остальные запросили по рации метеоусловия, но вместо метеоусловий запросили бочку соленых огурчиков в укропном рассоле. Началась большая свистопляска, региональный народный танец, на подмогу прибыли туземные карлесочки, и отряд расслабился.

Жены на родине все как одна начали прясть и ткать в ожидании мужей подгузники, так как пошли на пополнение демографической волны, и к возвращению альпинистов новый миллион малышей был готов с криками «Папа, папа!» бежать при шариках и флажках по взлетно-посадочной полосе на встречу героям.

Однако когда отряд вернулся, эти малыши уже подросли, уже возили в колясочках внуков, а жены давно получали индексированную пенсию.

Но альпотряд на горном рубеже тоже даром времени не тратил: было основано новое стойбище с шахтами и рудниками, не говоря о роддомах, и волк Семен Алексеевич был вынужден пойти к ветфельдшеру кондору Акопу, тот быстро достал клещи, и пик им. Луи Пастера рухнул, проще говоря, был взят, зуб выдеран.

Т.е. победа по очкам.

Таракан Максимка как-то раз по работе делал снимки бабочки Кузьмы, в полный рост, при усах и на канапе, стало быть, лежа.

Затем бабочка Кузьма заказал еще несколько поз в развернутом виде со спины (усы вполоборота, ресницы: нога напряжена), в профиль (крылья вверх, видны междуузлия), и затем вид сверху.

Таракан Максимка долго громоздился с камерой на потолок, пока не сообразил положить бабочку Кузьму плашмя на пол, весь вспотел.

Но бабочка Кузьма, вообще стыдливый от природы, еще в бытность свою в виде гусеницы Николавны таковой, а теперь и вообще туго одетый в кожу и мятые брюки, вдруг разорился еще на одну серию портретов, топless, т.е. без верхней одежды: поснимал крылья, потом пиджак, галстук, жилетку, рубашку и майку, а затем решился и сволок с себя часть нижней одежды, т.е. носки.

Таракан Максимка — работа есть работа — без удивления фотографировал бабочку Кузьму с прозрачным шарфом, далее момент танца живота и, наконец, сидя в кресле с букетом.

Бабочку Кузьму задело его равнодушие, он решил объясниться и поведал, что хотелось бы разослать

свои портреты на мужские фотоконкурсы, а также на «Мосфильм», на «Ленфильм» Алексею Герману, в Голливуд до востребования и на ТВ в Клуб кинопутешествий.

Тут таракан Максимка задумался и ответил, что их районная фотография сейчас сидит на лимите коллодия и фенолфталеина, и такую ответственную работу вряд ли они потянут за эти деньги.

После чего он сложил штатив ввосемьмеро, закрыл камеру крышкой, задраил как надо, затянул болты, поставил на прицеп и порулил в депо.

А бабочка Кузьма долго присобачивал крылья, пристегивал усы, подгонял бахрому под коленками, а сам размышлял, стоило ли метать бисер перед свиньями, говорить всю правду таракану Максимке, так сказать, в его черные глаза.

Простой парень Максимка так, видно, ничего и не понял, деньги все заслонили, в том числе проблему прекрасного.

«Таракан Максимка плебей», — решил бабочка Кузьма и успокоился.

КУКУВЕЧКА

Кукушонка Шурку начали учить музыке, и его мать, кукушка Калерия, теперь искала свое отродье по всему лесу, и ее постоянное «найду — выпорю» (ку-ку, ку-ку) сводило с ума сову-дирижера эмигранта шестой волны Егора (партийная кличка Седой).

Сова Егор по партийной привычке работал ночами, а спал днем под неустанные вопли кукушки Калерии.

Гиены тоже возражали против шума, кукушонок Шурка метался по лесу будь здоров, буквально ломая дрова.

Только жаворонок Милочка приняла сторону кукушки Калерии, сказала, что все ее знакомые учили детей музыке и тут без скандалов не перебежься, не один смычок об спину сломан, но зато потом кусок хлеба на жизнь.

Однако когда кукушка Калерия как-то вечером отловила Шурку и привела его к сове Егору-Седому, и Егор, морщась, как от зуба, послушал Шурку, результат был обратный: сова Егор сказал, что учить кукушонка надо непременно, что, ежели он с таким слухом и голосом начнет куковать, из лесу снова придется эмигрировать (Шурка вместо «ку-ку» кричал «бда-бда»).

Сова Егор (Седой) вечерами, мучительно зевая, учил кукушонка гаммам, а мать кукушка Калерия, плача от счастья, куковала под дверями.

Результат был следующий: чтобы поощрить кукушонка Шурку, сова Седой устроил его солировать в хор на польскую песенку «Кукувечка-кука», хотя в нужном месте Шурка вступал невпопад и вместо «ку-ку» орал не своим голосом «бда-бда».

Но хор гиен (ночной) в ответ стройно выводил свое «Ааа...Ааа...», и кукушонок Шурка как-то заметно остепенился, начал стараться, тем более что выяснилось, что его знаменитое «бда» происходит от простой причины: он склюнул как-то железную гайку, и она так и сидела у него в ноздре.

Ветфельдшер кондор Акоп, возмущенный неправильным исполнением любимой песенки «Кукувечка» (у него был в свое время мимолетный роман с кукушкой Калерией, когда они оба играли в нашу шумевшем порноспектакле театра зверей Ромео и Джульетту), — так вот, кондор Акоп по собственной инициативе осмотрел кукушонка Шурку и вытащил у того из носа ржавую гайку.

Освобожденный кукушонок на радостях гаркнул такое мощное «ку-ку», что мать в ответ безумно закуковала, и теперь их семейный дуэт звучит без умолку: вот что значит правильное воспитание в трудовом коллективе гиен, но сова Егор-Седой все равно, укладываясь спать, затыкает свои большие волосатые уши двумя подушками-думочками, надо приспособливаться.

Нельзя же всю дорогу эмигрировать.

МАЛЕНЬКОЕ И БОЛЬШОЕ

Однажды овца Римма, была не была, решила подвергнуться химическому выпрямлению волос и просидела в парикмахерской у моли Нины полный световой день.

Вечером же, уже в новом виде, с вертикально стоящими волосами, она шла домой и встретила с полным пониманием со стороны ежа Гарика, который сказал, что впервые видит такую клевою соску, блин, в ирокезе, по жизни.

Еж Гарик с ходу предложил овце Римме несколько вариантов: куст калины, в натуре или ивняк в сухом месте за горбаней*, или сразу под скамейкой, клево-та, проверено. Узнаешь меня и т.д.

Но Римма, разумеется, сказала «бе», а вы бы что сказали на ее месте?

При этом она порыла дальше по направлению к дому, отодвинув маленького Гарика, который восхищенно бежал следом и базлал уже насчет других вариантов, круиз, мотель и найтклаб.

Уже приотстав, ежик Гарик выкрикнул вслед овце Римме словечко «загс», и овца Римма подумала, что а) ведь внутри я все такая же, где ты был раньше,

* За городской баней.

чувырло, неужели все мужчины такие дураки, что обращают внимание только на внешность, и б) правильно говорила гадюка Аленка, нельзя соглашаться сразу.

С этими мыслями она и пришла домой, где сразу стала к доильному аппарату, а муж, баран Валентин, лежал под газетой, ничего не заметил.

Что же касается ежа Гарика, то он долго метался, пока не встретил у контейнеров старую сапожную щетку, которую ежик на радостях тут же окрестил Зинойчкой и пытался взять ее под ручку, но наткнулся на буквально деревянное равнодушие, сговорились все, что ли.

Пришлось Гарику чесать скорей домой к жене Стелле Е.

ХЭВИ МЕТАЛ

Улитка Герасим прогуливался, волоча за собой цепь, на которой раньше (когда-то) у него сидела амеба Рахиль (Муму), пока не поделилась.

Воспоминания были не из лучших, Рахиль, помнится, дико к нему привязалась и оттого выла ночами, и улитка Герасим так был рад, когда удалось ее выгнать, что в дальнейшем даже не притрагивался к цепи: мы не любим возвращаться к тому, что причиняло нам страдания, писал еще Спиноза, а Герасим ему верил.

Объяснение было простое — Герасим, старый холостяк, не мог и не хотел заниматься домашним хозяйством типа отвязывания ненужных вещей, так что цепь все время волочилась следом, напоминая о постылой привязанности амебы Рахиль (Муму) и о том, как Герасим пытался утопить Муму, не зная, что амебы не тонут.

Поганая была история, и цепь все время волочилась следом за улиткой Герасимом, снижая тем самым его крейсерскую скорость (6 см/час).

Но тут — бывают в жизни совпадения — ему повстречалась шумная компания, инфузория Ася с малышками амебами Ра (Му) и Хиль (Му).

С бьющимся сердцем инфузория Ася вела сироток мимо родной цепи, но ни улитка Герасим, ни малютки амебы не шелохнулись. Ра (Му) и Хиль (Му) продолжали орать, выть и беситься как бесились, а Герасим мягко ехал в своем фургоне, не показываясь, как вагоновожатый.

Однако надо же случиться такому, что бесноватая малютка амеба Хиль (Му), когда уже улитка Герасим благополучно прокачался мимо, обратила внимание на цепь и стала ее рвать и дергать на себя, и то же самое делала и малютка Ра, но уже в своем направлении.

Улитка Герасим, почувствовав сильные толчки, как при землетрясении, вытащил свою рогатую рожу в иллюминатор и, увидев сразу двух амеб на цепи, испугался, сделал зверское лицо, затрубил, закачал ветвистым лбом, а потом быстро счалился в трюм и там отомкнул цепь и выкинул ее в дырку кингстона.

На все это он потратил не больше часа, и сорок пять минут ушло на кингстон.

А малютки амебы даром времени не тратили, метелили цепь, представляете положение?

Освободившись, улитка Герасим вцепился в штурвал и резко (без цепи) ушел со старта со скоростью 7см/час.

Сам не ожидал такого спурта, позорно бежал от старой привязанности.

Что касается беспечных малюток Му-Му, то они получили цепь в полное собственное владение, обмотались ею по самые параподии, т.е. глухо, и с криком «heavy metal» (тяжелая метла) поканали в парк.

А сконфуженная инфузория Ася пошла за ними, понесла им завтрак.

НИРВАНА

Пожилой карп дядя Сережа имел одну цель в жизни, одно заветное желание.

И вдруг он увидел в реальности эту свою мечту, весь затрясся, загромыхал орденами и помчался навстречу мечте.

А как раз червь Феофан в это время появился на берегу пруда, сел с томиком Ницше и задумался о том, зачем ему, червя, дана жизнь.

Купаться не хотелось, солнышко заходило, и Феофан смотрел вдаль.

А в пруду начинался вечерний клев, плотва Клава сварила макароны и собрала детей, моллюски «Гринписа» дружно сели за салат, улитка Герасим же ел лист пырея ползучего просто так, всухомятку, холостяк, что поделать.

Карп дядя Сережа, однако, разлетевшись, вынужден был сделать «стоп машина» и сказать себе: в таком деле нужен ум, ум, ум, ум и ум.

При этом карп дядя Сережа делал губами глотательные движения, т.к. был сильно проголодавшись.

Затем он даже высунулся из пруда, воскликнувши: «Ум!»

Червь Феофан переспросил, так как не понял сути, и между сушей и водой завязался разговор, причем

о вечности, о бренности, и карп дядя Сережа настаивал, что во всем нужен ум, ум и ум, а червь Феофан все спрашивал, к чему этот ум, если надо освободиться от всего, от тела, от земного, и уйти.

Слыша такие речи из уст своей, так сказать, мечты, карп дядя Сережа совсем потерял голову, звякнул орденами и предложил червю Феофану свои услуги в деле освобождения от тела, причем прямо здесь и теперь.

Он сказал в том смысле, что, мол, хотите, войдете в пруд и исчезнете?

— Я помогу, могу, так сказать, помочь, — добавил он, — сам лично.

Но червь Феофан вздохнул, потянулся, так что карп дядя Сережа опять звякнул, и сказал, что еще не достиг чего-то, карп не расслышал чего.

То есть где-то там не рвано якобы и туда не достичь.

Карп дядя Сережа хотел предложить, что порвет где надо, но на этом червь Феофан ушел домой, в почву, а карп дядя Сережа попрощался мысленно со своей мечтой, что делать, не рвано так не рвано...

ЖАБЕРНЫЕ ЩЕЛИ

Карп дядя Сережа потому так стучал орденами, что в пруду можно было найти все — от пружин детской кровати Светланы Аллилуевой до медали «Столетие ГУМа».

Карп дядя Сережа, однако, собирал не это, а знаки отличия: за победу на конкурсе баянистов им. Вас. Андреева, за 1-е место в конкурсе чтецов «Мой милый, что тебе я сделала» и т.д.

Но главным украшением коллекции карпа дяди Сережи были все-таки значки типа «Герой Социалистического Труда», «Лауреат премии им.Воровского» и 1-е место на конкурсе молодежи до сорока лет в Канне, которые размещались у него в районе последнего брюшного плавника, т.к. все было забито встык.

Из-за обилия значков карп дядя Сережа (да и аппетит сказывался) почти не плавал, ходил по дну пешком, а в решающие моменты ползал, как античная рыбка целакантус.

Несмотря на это, плотва Клава, например, не раз сквозила мимо, тряся кружевными панталонами от мадам Тати (Париж).

Однако карп дядя Сережа уже в такие тонкости давно не вникал, а после того как главная цель и мечта его жизни, червь Феофан, не пошел на отношения, все интересы бедного карпа ограничились гастрономом на углу и поисками новых знаков отличия, для чего карп дядя Сережа уже приготовил жаберные щели, пошел и проколол у косметолога комара Томки.

МЕСТО В ЖИЗНИ

Сапожная щетка, которую ежик Гарик ошибочно принял в темноте за чувиху Зиночку, нашла наконец свое место в жизни, поскольку неутомимый микроб Гришка Джомолунгма, первопроходец, застолбил щетку Зиночку как национальный парк и заповедник, а также основал там гендирекцию, штаб ВОХР, егерскую службу и дом отдыха для беременных со всеми вытекающими последствиями типа запрещения подводной охоты, киносъемок и вертолетов.

Он много еще бы чего там намастырил, но леопард Эдуард хватился своей сапожной щетки (она выпала из несессера во время пешей прогулки, 160 км/час), долго ее искал и наконец обнаружил, после чего начистил ею сапоги, причем не жалел гуталина.

Микроб Гришка Джомолунгма, однако, не сдался, усилил охрану, перешел на нелегалку, выставил пикеты и вынужден был решиться на эвакуацию только после того, как довольный Эдуард снова помчался в поля и уже на скорости 170 км/час вторично потерял щетку из несессера, на сей раз в кучу извести, лежащей для снижения кислотности почв.

Микроб Гришка Джомолунгма долго вел своих через мертвенно-белую пустыню, чуть ли не шесть недель, а в это время жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой напал из засады на щетку.

Тут они запиrowали на просторе, ели просто так, даже целыми кастрюлями, и утонченно, т.е. мазали гуталин на бутерброды, удивляясь своей безнаказанности.

Но потом они успокоились, поскольку, если это кто-то бросил, значит, оно ему не нужно.

Подать заявление о пропаже они не решились, слишком много приели, и в конце концов, пропадай моя телега, пустили щетину на засол.

Под гуталиновку оно очень подошло.

ЛА СКАЛА

Жаворонок Милочка, якобы всегда вставая раньше всех, заводила свой музыкальный будильник на четыре тридцать утра, но сама при этом не просыпалась.

Дело доходило до того, что она ставила свой будильник, допустим, на комод, а сама ночевала под столом на кухне, только чтобы не слышать звона.

Будильник, таким образом, звенел, все соседи постепенно просыпались, у лягушки Женечки бурлило в котлах, леопард Эдуард варил первую чашечку кофе, мышь Софа утаптывала новые опилки в комоды и т.д.

А умная Милочка спала сколько хотела, а потом, отдохнувши на славу, она вставала, не спеша полоскала горлышко лимонной настойкой (все это под звон будильника), хорошенечко отхаркивалась и приступала к вокальным упражнениям уже соло, разумеется, отключивши будильник.

Она готовилась к поступлению в миланскую оперу «Лестница», что в переводе звучит как «Ла Скала».

То есть, несмотря на то, что жаворонок Милочка жила в свое удовольствие, репутацию она сохранила безупречную.

Единственная завыка: она вынуждена была петь, как поет будильник, чтобы никто ничего не заподозрил.

А с таким пением не то что на лестнице, и в Большом театре нечего делать, где всяко поют, но не как будильник же.

ЖЕНСКАЯ КРАСОТА

Как известно, женская красота дело изменчивое, и красавица жаба Люба, белая и пушистая, пришла к косметичке комару Томке с такими словами:

— Все цветешь, Томик.

— Да тьфу, — боясь сглазить, уклончиво ответила комар Томка.

— В отпуску, что ли, валандалась?

— Да тьфу, — снова возразила комар Томка.

— Бровки, реснички подправишь? — спросила жаба Люба, — и все остальное, как обычно. На ответственную свиданку иду.

— Да тьфу, — согласилась комар Томка.

Тут на глазах у изумленного бабочки Кузьмы, который тоже пришел подбрить брови и сделать паровую маску лица, жаба Люба сняла с себя все белое и пушистое, высунула морду и сказала спокойно:

— Если без косметики иду, никто меня не узнает.

— Да тьфу, — посоветовала ей комар Томка.

Бабочка Кузьма, который в бытность свою гусеницей Николавной и не знал, что такое косметичка, носил пуховую шаль, синий вязаный жакет, зеленую юбку из синтетики и чулки в резиночку,

теперь жадно слушал разговор и думал, как много было в жизни упущено, а ныне, сделай он макияж и надень то же, что носит жаба Люба, его сразу же приветствует из бузины воробей Гусейн с нехорошими предложениями.

«Неравенство, угнетение по принципу пола, дискриминация», — сказал сам себе бабочка Кузьма.

Тем временем его брови были приведены в порядок, и он повис над кастрюлей с паром, имея полотенце на кумполе.

— Представляешь, таракан этот Максимка женится, — сказала жаба Люба, закурив ментоловую, — на мне.

— Да тьфу, — привычно откликнулась комар Томка и начала мазать рожу Любы какой-то дрянью.

Видно было, что комар Томка завидует жабе Любе, это бабочка Кузьма просек тут же.

— А я думаю, — сказала жаба Люба, гася сигарету о свою морду, терять ей было нечего.

Тут комар Томка еще раз сплюнула и растерла меховой тапкой.

— Вот и я тоже считаю, — откликнулась жаба Люба, которая в намазанном желтой мазью состоянии выглядела даже лучше.

И бабочка Кузьма, вися над паром, тоже стал от всего сердца завидовать красавице жабе Любе.

КУЛЬТУРА

Мышь Софа так всю жизнь и просидела бы заперти в комодке леопарда Эдуарда, но она любила культуру и как-то раз пошла на вечерний сеанс в кино, однако на обратном пути была остановлена известным ежом Гарри.

— Ты, мочалка, — сказал еж Гарри, ухмыляясь, — закурить не найдется?

Мышь Софа спокойно достала сигареты «Кэмел» и зажигалку «Ронсон».

Еж Гарри не ожидал такого разворота событий и закурил.

Пошли дальше.

Поговорили о том о сем, Гарри интересовался новыми дисками, мышь Софа сказала, что да, у нее есть приобретение, Мендельсон в исполнении Эдди Рознер-Горовиц-Нюся Мильман, чумовая запись.

На самом деле это было Эдуардово, но мышь Софа мобилизовала все свое воображение.

Тогда еж Гарри вызвался послушать запись.

Темной вечерней порой трусливая мышь Софа привела ежа Гарри к фазенде леопарда Эдуарда, спросила: «Кто дома», — в ответ на что послышался дикий рев Эдуарда, т.к. леопард говорил в этот мо-

мент по телефону, видимо, с мамочкой, которая плохо слышала.

— Это ты?!! — спрашивал Эдуард, видимо, мамочку, а хитрая Софа пищала в ответ:

— Это я, дорогой, открывай.

Но поскольку никто не открывал, еж Гарри ждал обещанного и не уходил.

Тем временем, ничего не добившись, Эдуард положил трубку и врубил на полную мощность Мендельсона-Рознера-Горовиц-Мильман.

Ежик Гарик остолбенел и, будь что будет, свернулся в боевой клубок.

Тут умная мышь Софа отвалила под крыльцо.

Придя домой в комод, она тут же сказала мужу мыши Василию:

— Мендельсон, Шмендельсон, как мне все это остобрындело! (с ударением на «е»). Завел опять свою шарманку.

(Имея в виду Эдуарда).

Мышь муж Василий, который спал под грохот музыки, проснулся и прокричал:

— Как кино? Сыр на блюдце, а книгу дети доели.

И он опять заснул, а Софа долго не спала под Мендельсона, даже самая хорошая музыка надоест, если вам ее навязывают.

Разве это называется культура?

Даже еж свернулся.

КАК ПЕНЕЛОПА

Шваркающей кавалерийской походкой (носки внутрь, пятки наружу, коленки врасстыпыр, таз низкий) комар Стасик брел домой с перевязки ветврачом кондором Акопом укушенного клопом Мстиславом места, иначе идти не получалось, т.к. укушенное место подергивало.

Разумеется, комар Стасик мечтал о горячем.

Однако, подходя к дому, он услышал сдавленные крики комара жены Томки (так, так, сейчас, сейчас получится, обожди) и чье-то хриплое «не могу».

Комар Стасик на мгновение остоленел, однако в дом вошел и увидел, что комар Томка выдирает у гиены Зои бороду по волоску (косметическая чистка лица).

На вопрос о горячем комар Томка впопыхах ответила: «Иди в болото».

Идти в болото означало пойти в болото, нарвать, потом притаранить, помыть, почистить, нарезать, налить, включить, поставить, мешать и т.д., а сама еда только через сорок минут, и то пригорелая и с песком на зубах.

Спасибо.

Свинья Анна

Горестно вздохнув, под глухие крики жены и рычание гиены Зои комар Стасик достал заветную бутылочку от жука тети Лиды, так называемую гнилушку, и принял дозу что осталось.

Тут же все ушло на задний план, кроме качающегося мини свиньи Аллы.

Комар Стасик зарыдал, запел любимую «Снова туда, где море огней» и быстро, забыв про все раны, вылетел из дома по направлению к свинарнику.

Когда комар Томка прятала гонорар в сапог, а гиена Зоя полными слез глазами радостно смотрела на свою лысую морду, комар Стасик уже вился вокруг свиньи Аллы, лежащей по-домашнему, безо всякого мини, и звенящим голосом задавал ей вопросы: а) давно ли она встречается с клопом Мстиславом и б) знает ли она, что Мстислав болен нехорошей болезнью — кариесом, долго приходится ходить на перевязки.

Свинья Алла только ушами хлопала, поскольку Стасик был у нее не один в гостях, там большая была компания, взрослые дети мухи Домны Ивановны, например, они вообще уже, хорошо угостившись, носились как угорелые под собственный рок-н-ролл, а паук Афанасий специально для собравшихся давал урок макраме в уголку.

Праздник был в разгаре, но комар Стасик чувствовал себя одиноко.

Той же швиндиляющей кавалерийской походкой, коленки врозь, таз в минусе, но еще более голодный; он явился домой для скандала, но тут же почувствовал волшебный запах горячего.

Оказывается, комар Томка все приготовила, накрыла на стол и ждала в передничке, как Пенелопа.

Комар Стасик даже прослезился.

АЛАЛИЯ

Бывало-живало, как говаривала козлова бабушка Маланья, таракан Максимка потерпел поражение на чисто профессиональной почве, то есть по недосмотру принес домой пакет с новыми химикалиями для перепроявки негативов и спросонья сам же и съел.

Начал галлюцинировать, т.е. ему все казалось не так: жена с усами, дети голодные орут, в доме все как с городской свалки, посуда не мыта с обратной стороны, игрушки под столом, сандалии на столе, в ванной вообще белье засолено с прошлой весны, занавески вверх ногами изначальню, обои пожрали двое домашних животных, карликовые муравьи Хна и Сенна.

Потолок с какого-то праздника вообще на голову лезет (казалось таракану Максимке), пол, наоборот, всходит пузырями, как поверхность Луны, таракан Максимка даже бессильно плакал ледяными слезами, накрывшись подушкой.

День плакал, на работу не ходил, перешел жить под кровать к карликовым муравьям Хне и Сенне, и они, Хна и Сенна, жалели его и облизывали, топтали его, как родную мать.

Врач-ветфельдшер кондор Акоп, придя уже в раздражении, под кровать не полез, ответов на вопросы

не дождался, поставил диагноз «алалия», то есть хрен знает что, а таракан Максимка после такого разговора лег вообще за обои, так ему влетело в голову, алалия есть алалия.

Однако жена, таракан Сильва, не сдалась и вызвала бабушку-костоправушку жука-солдата тетю Лиду.

Жук-солдат тетя Лида пришла с бидоном гнилушкови, растерла больного, сплюнула над ним, подала внутрь стакан, пошептала заговор «уон ту цри о клонфор о клон, рон» или что-то вроде того, поклонилась на левый Толика козла рон, висящий на обоях вне досягаемости детей (нашелся в лесу под ракивовым кустом), и взяла гонорар химикалиями.

И только после этого таракан Максимка крепко заснул, потом проснулся как ни в чем не бывало, обнял жену, пощекотал усами детишек, погулял с Хной и Сенной и побежал на работу.

Все-таки народная медицина на подъеме.

Комар Стасик в свободное время очень любил читать.

Бывало, проводил на свежем воздухе в парке культуры целые часы, танцевал возле газеты. Комар Томка не любила этих его занятий, высмеивала (газета твоя вонючая), а комар Стасик ничего не мог с собой поделаться, витал в воздухе, питался политикой.

Начитается, наберется, как сука блох, по выражению комара Томки, приползает домой злобный и тут же к телефону: ругаться с осой Иосипом.

Начал заговариваться, плохо спал, несмотря на свежий воздух, стал терять чисто специфические силы, как вдруг все кончилось: по парку прошелся козел Толик в приподнятом настроении и, не разбираясь, сожрал полгазеты, а остальное унес домой угостить жену Марью. Газета, хоть и не новая, хрустела на зубах, понравилась, кроме того, она долго лежала в урне и стала по-своему ароматной.

Прилетев на следующий день к любимому месту, к урне, комар Стасик задрожал, не найдя газеты: за истекшие дни он успел прочесть только слова «продали ро», а насчет остального так и не узнал.

Но дома, когда он заявился возбужденный, оказалось столько вкусного, что слова «продали ро» комар Стасик стал трактовать только как «продали розовых мальв полкило»; это было его любимое блюдо, жареные мальвы.

И когда позвонил оса Ося, Стасик, ковыряя в зубе, даже не стал с ним ругаться: у тебя своя трактовка, у меня моя.

МАЛЬБОРО-1

Однажды козел Толик долго не мог заснуть от какого-то шума.

В конце концов он встал и заметил в темноте на кухне НЛО.

Объект передвигался, временами жег спички на лету и негромко матерился.

— Кто там? — грубым шепотом спросил козел Толик.

— Тише ты, — злобно ответил НЛО и снова зажег спичку, которая, однако, быстро погасла.

Козел Толик растерялся.

Он много слышал про НЛО, но чтобы такое поведение!

— Ты, в натуре, кто? — спросил козел Толик.

НЛО свистнул, махнул через всю кухню на полку с самоваром, и там что-то брякнуло и зашипело.

— А, твою дрататарбать, — сказал НЛО во тьме.

Козел Толик полез было включить свет, но раздумал: а если его заметят и заберут на другую планету?

И там выставят в музее под стеклом как трофей?

У козла Толика, как всегда в трудных случаях, засвербило в бороде.

Затем он подумал: а ну и пусть забирают!

Дальше козел Толик размечтался о лиловой траве, скафандрах, небоскребах, о козах другой национальности, только ему стало жалко ромашку Свету.

— Неспетая песня, — сказал себе козел Толик в темноте.

Тут НЛО снова совершил бурный перелет через кухню, и на голову козлу Толику что-то увесисто капнуло.

Он потрогал — оно было теплое и похожее на свежий козий творог.

— Ты, в натуре, че гадишь! — воскликнул козел Толик и врубил свет.

Он тут же увидел кукушку Калерию, которая злобно шурилась на него с буфета, а в руке держала полиэтиленовый пакет с надписью «Мальборо».

— Извиняюсь, — сказал козел Толик, вытирая голову газетой «Советская Россия», — вам кого?

— Дрататать, — ответила кукушка Калерия возбужденно, — вы чего форточку оставляете? Я и заблудилась. Темно. Жгу спички, как в лесу.

Форточка, действительно, была открыта.

НЛО выпил чаю, покалякали, и кукушка Калерия было выскочила обратно в форточку, но козел Толик любезно придержал ее за локоть и протянул ей пакет с надписью «Мальборо», который она оставила на буфете и в котором угадывалось что-то вроде гриба «дедушкин табак».

— Вы забыли, — сказал козел Толик, — яйцо позабыли.

— Ну козел, — заметила кукушка Калерия и полезла в форточку.

Утром коза Марья все в кухне перевернула, нет ли где еще яиц, а козел Толик спал заслуженно, как герой, накрывшись с головой после бессонной ночи.

А козленок Иринка своим ясным детским голоском сказала, что жалко, что у них не будет кукушонка, она бы его кормила и укладывала спать.

Все замолчали и сели завтракать задумчиво.

— Бывают же бабы, — в сердцах сказала коза Марья.

МАЛЬБОРО-2

Гадюка Аленка после поездки в Москву с еще двумя сестрами стала столичная штучка, меняла галфе что ни месяц и носила на спине рюкзачок.

И надо же такому случиться, что Аленка со своим рюкзаком за спиной совершенно потеряла бдительность и, не помня прошлого, остановилась поболтать с кукушкой Калерией, которая жаловалась ей на бессонницу и плохую зрительную память, и в результате в магазине самообслуживания гадюка Аленка была задержана персоналом, кассиршей мухой Домной Ивановной, с просьбой оплатить яйцо (в рюкзаке).

— Я не брала яиц, — возразила гадюка Аленка, — я вегетарьянка, смотрите, морковь, свекла.

— Да хоть американка, — сказала муха Домна Ивановна, — оплачивайте.

— Ой, да я положу его обратно, — предложила гадюка Аленка.

— А кто его после тебя возьмет, такое троганое, аляпистое какое-то, — завопила муха Домна Ивановна.

— Что? Я возьму яйцо, пожалуйста, — сказал галантный кавалер собака Гуляш, — как раз сделаю яичницу.

Короче, после обмена любезностями яйцо перекочевало в авоську Гуляша, но надолго там не застряло.

Только он отошел от магазина, как с криком «каку-каку таку яичницу» на него налетела Калерия и вцепилась в авоську.

Кукушка Калерия еще упомянула в нехороших выражениях насчет воровства детей.

Собрался народ, прибыл мл. лейтенант милиционер медведь Володя в новой голубой рубашке с рукавами ниже колен — форма.

Гуляш крепко держал авоську и говорил, что яйцо куплено в магазине.

Блоха Лукерья, сидя на постоянном НП между бровями Гуляша, начала собирать подписи жильцов-свидетелей и собрала 500 за короткое время.

В результате кукушка Калерия перегрузила яйцо в свой пакет с надписью «Мальборо» и с воплем «не тебе дадено, не тобой будет взято» помчалась вдаль, к жилищу леопарда Эдуарда.

Гадюка же Аленка сидела дома, ела корень лопуха на сладкое и не подозревала, что еще немного, и быть бы ей матерью.

СОЛИДАРНОСТЬ

Как-то раз собака Гуляш пробежала мимо волка Семена Алексеевича, который сидел на бревне и вяло подбирал на гитаре какое-то старье вроде «Я Хиль-ду-ду-ду», а рядом с озабоченным видом стоял козел Толик.

— Вот он, — сказал козел Толик, — идет, козел.

Гуляш автоматически остановился и, закатив глаза, стал чесать задней ногой затылок, делая вид, что не знает никакой гиены Зои, о давнишней дружбе которой с волком Семеном Алексеевичем его не раз по дружбе предупреждали бабы, жаба Люба и свинья Алла.

Они его предупреждали, чтобы он не брал на себя то, что ему будут приписывать, но он не врубился, о чем речь.

— Ну, как его задействуем? — спросил козел Толик.

Гуляш на мгновение прекратил чесать затылок и тут же по новой кинулся с зубами в паховую область, где чуть было не придушил радикулитного блоху Валерика, который, однако, отполз на руках.

— По системе, — сказал лениво волк Семен Алексеевич.

Волк Семен Алексеевич
и собака Гуляш

— Ну ты, волосатик, — позвал козел Толик. — Рой сюда, будет у нас толковище.

Собака Гуляш подошел, кося глазом назад, в сторону отделения, но младший лейтенант медведь милиционер Володя спал при фуражке, сидя на неогороженном шкафу: со склада поступили бланки свидетельских показаний, и медведь младший лейтенант Володя запер их в шкаф и сам сел сверху для надежности.

— Ну что, какие предложения, — лихо сказал Гуляш, думая с тоской о гиёне Зое: мало того что в субботу-воскресенье не высыпашься, она еще и повадилась закатывать ночные скандалы с намеками на свое положение.

Какое такое положение, думал собака Гуляш, вот у меня да, положение будь здоров, с одной стороны волк Семен Алексеевич с гитарой, с другой — его дружан и земля козел Толик.

Как ахнут по чайнику, тем более гитарой.

— Какие-какие, на грудь примешь? — строго спросил козел Толик.

— А что, — без энтузиазма поинтересовался собака Гуляш. Он хотел сказать — а что, ребята, случилось.

— Гнилуха, как всегда.

— Ну, — согласился собака Гуляш, наконец догадавшись, о чем речь.

Тут они втроем, как трое друзей, отправились в лес, в ту часть, которая была известна как Акатуйская тайга, а потом они пели около импортной баночки сельди Хильды, а Хильда, как всегда, отвечала отборной руганью на родном языке (ху аю), и трое друзей восхищались (во буровит).

И Гуляшу было так хорошо, как никогда.

Свинья Алла не меняла меню: берется первое, берется второе, мешаем, все это поливаем компотом с винегретом, выходит большая экономия времени, затем моем народным способом (остатки сладки).

Однако про таком ускоренном питании свинья Алла подметила, что ее мини от Славы Зайцева больше не налезает на талию.

— Справна дивчина, — сказала себе свинья Алла и померила мини на шею, но и там не сошлось.

— Це гарно, — отметила свинья Алла и надела мини на ногу, там даже оказалось с запасом, но к вечеру мини съехало и упало туда, откуда возврата нету, т.е. в органику.

Причем Алла впопыхах наступила туда же четыремя ногами.

Однако вещь не пропала, после орошения полей удобрениями на мини, лежащее в борозде, набрела семья, жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой.

Мини-то мини, а кому и вообще макси, и жук-солдат Верка одела-обула себя, детей, мужу справила тельник, ватные штаны и галоши, а сестре мужа, золовке жуку-солдату тете Лиде, перепал отрез на

плюшовку и полушалок, да и слобода попользовалась, муравьям вышла матке на свадьбу фата.

Жук-солдат тетя Лида в долгу не осталась, приехала с флягой гнилухи своей пастеризации, бешеной тли молочко.

Короче, жук-солдат Андреич пошел в результате на экстаз, порвал на грудях тельник мало того что у себя, но и у Верки ликвидировал напололам панталоны, а у муравьиной матери фату.

Только жук-солдат Лида нашла ухорон в пустой фляге.

Однако сохранился еще большой кусок мини, его жук-солдат Верка спрятала на гумне, а после всего пустила по рукам как одеяло, укрывалась в непогоду вся семья, и золотые буквы ярлыка «Слава Зайцев» видны были издалека.

— Лейбл, — уважительно говорили младшие, новое поколение, — туши свет, блин, фирма.

Считается кико
реж. Волк Семён Алексеевич

СНИМАЕТСЯ КИНО

Ежик Гарик очень выступал перед волком Семеном Алексеевичем, который сидел поперек его пути в Акатуйской тайге.

— Я бью два раза, понял-нет, — кричал ежик, — второй раз по крышке гроба!

Волк Семен Алексеевич не отвечал буквально ничего, но с дороги не уходил, а смотрел мимо ежика Гарика в туман, с деловым видом причем.

Тогда ежик Гарик сказал так:

— Я мэн крутой, елки.

Волк Семен Алексеевич опять ни мур-мур, а сидит глаза в кучку и смотрит, как уже говорилось, настырно.

Ежик Гарик вообще офонарел, не понимает, что волку Семену Алексеевичу надо.

— Ты, мафия, — говорит ежик Гарик, — ты чо дак? Чо фишки вырубил, хроник?

— Тсс, — шипит волк Семен Алексеевич, — не бухти.

И так держал ежика Гарика в тумане десять минут по часам, а потом вытер слезы и сказал:

— С детства мечтал посмотреть фильм Норштейна.

МАЛЬБОРО-3

Кондор Акоп, ветфельдшер, профессор-медик и полярная авиация по совместительству, сел писать воспоминания и задумался, сколько же у него детей.

Он заказал переговоры с кукушкой Калерией, но мало чего добился, кукушка Калерия предлагала немедленно приехать к нему почему-то с пакетом фирмы «Мальборо», диктовать хоть всю ночь (ку-ку, ку-ку), а по телефону да без пузыря говорить на такую непростую тему отказалась.

Плотва Клава вообще смяла телефонный разговор, говорила о физиологической несовместимости, о трагедии летучих рыб, например, которые ни там ни сям, ни в воде ни на суше, живут в подвешенном состоянии в районе областного центра Бостон, на той стороне пруда, университет п/о Гарвард, до востребования.

После чего кондор Акоп долго пил валериановые капли с ихтиоловкой, забойный ерш, кто понимает.

Лягушка Женечка к телефону подошла, но, имея на плече лягушку мужа Самсона, говорила уклон-

чиво, кондора Акопа почему-то называла «Милочка, Милочка» и на все вопросы плела какую-то околесицу насчет концерта мужа лягушки Самсона, якобы Милочка интересуется.

Кондор Акоп после валерианы с ихтиоловкой слушал невнимательно и с рыданием в голосе допытывался, где находятся Леонидик, Абрахам и Кваша, родные детки, а дура лягушка Женечка, убаюкивая мужа лягушку Самсона, не своим голосом шуршала насчет цен на билеты на концерт и что якобы трудно найти подходящие по высоте подставки под буркалы (какие такие буркалы, сто-нал кондор, оказалось, это муз. инструмент лягушки Самсона, буркалы-пикколо).

Ничего не добившись, ветфельдшер кондор Акоп полетел по вызову на роды, у леопарда Эдуарда в трехлитровой кастрюле неожиданно застучало, и, прибежав на кухню по тревоге (скорость 200 км/час), хозяин вызвал неотложку, увидев незнакомое яйцо, из которого торчало что-то типа зубила.

Кондор Акоп, прилетев срочно, принял прямо в фаргук кукушонка Татусю, которую сразу признал, оформил отцовство, понял, в чем смысл жизни, и вплотную занялся воспитанием девочки, каковую добрый леопард Эдуард отдал ему вместе с кастрюлей и пустым пакетом фирмы «Мальборо» (оказался в той же кастрюле).

Кондор Акоп снимает теперь телефильм «Моя дочь» буквально с азов, увлекся, закупил всякого барахла, т.е. пианино, самоучитель «английский за месяц», шахматы, пуанты, борцовки, пастель, гантели и бильярд, хочет воспитать полноценного чемпиона (матчи, отели, пресса и т.д.).

Но кондор (кукундор) Татуся пока что не поддается, гордостью пошла в отца, активно кричит «ку-

ку» вместо отцовского «уййеа-аар», учиться отказалась наглухо, и кондор подумывает, а не послать ли ее подальше на тот берег пруда в американский университет Гарвард, п/о поселок городского типа Кембридж, к братьям, тем более что все посылают.

СЕМЬЯ

Однажды лягушка Женечка, была не была, взвалила на плечо мужа лягушку Самсона и прошагала в таком виде до самого дома (дело было после ресторана).

Эту драму видела свинья Алла, но, поскольку все происходило в праздники, не придала этому значения: мало ли какие бывают случаи между мужем и женой.

Однако, когда лягушка Женечка с мужем на плече стала ходить всюду, т.е. ничего не стесняясь, то комар Томка сама признала, что так удобней: никаких проволочек и всюду успели.

— Но дети, — возражала кукушка Калерия, — их что, тоже на себе прикажете волочь?

Комар Томка, однако, мигом пришла в себя среди мечтаний и сообразила, что дети сейчас быстро растут и становятся на ноги, не то с мужьями — чем дальше, тем ответственней момент, причем пожизненно.

Комар Стасик, знакомый с мужем лягушки Женечки еще с прошлого уик-энда, подтвердил, что у них там такой обычай: жена носит мужа на спине и до свадьбы, и особенно во время свадьбы, и по-

том так и шляется, не снимая поклажи; как говорит козлова бабушка Маланья, старцу круг не помеха и кусок не беда, такие дела.

И это только со стороны выглядит благородно, поскольку в результате сам лягушка Самсон ничего не решает и полностью зависит от жены лягушки Женечки: едет, куда везут.

В конце разговора мимо опять проехал лягушка Самсон, и понять ничего было невозможно: оба, и муж и жена, лягушка Женечка, ни на что не жаловались, вид у них был замкнутый.

— Семья, — легко вздохнула кукушка Калерия и затуманилась.

Мама леопарда Эдуарда, тетя Галя, никак не могла дозвониться до сына и потому пошла (скорость 170 км/час) на почту и послала сыну письмо по пунктам:

1) привет 2) как дела, я никак к тебе не прозвонюсь 3) то есть что значит «нормально», поясни 4) это не новость для мамы 5) я говорю, придумал бы чего-нибудь поновей 6) я говорю, тебе всегда некогда 7) ах, вот оно что 8) ну и куда 9) не бегай, не бегай там, в полях опасно 10) да, именно тебе 11) я всегда это говорила, всю жизнь: запомни, ты недотепа 12) а вот то и произошло, я читала в газете, в полях воробью Гусейну вырвали чуть ли не весь хвост 13) как не хвост 14) а что 15) ты всегда от меня все скрываешь 16) не прячь правду от матери, я все равно все узнаю 17) Эдуард, тебя не слышно, перезвони 18) а ле 19) надо мной все смеются, что я ничего не знаю 20) я посмешище 21) газеты, там все непонятно 22) так что с Гусейном, меня все-таки волнует 23) поставь себя на место его матери и поймешь 24) да, я интересуюсь как мать и вообще как дикое животное 25) а почему 26) ну что плохого, если я узнаю 27) клянусь,

не скажу никому 28) а что ты имеешь против ку-
кушки Калерии 29) она единственная, кто меня на-
вещает 30) я уже никому не нужна, пожилая (здесь
в письме расплылось слово «старуха») 31) старуха и
(расплылось слово «всё») 32) старуха, уже хожу еле-
еле, скорость 100 км/час 33) так что все понятно
34) а то, что Гусейн тебе дороже родной матери
35) с каких это пор ты с этим воробьем дружишь
36) Эдик, ты просто пка (расплылись буквы «тря»)
37) а вон летит Гусейн, он мне сам скажет 38) то-
роплюсь, целую 39) звони 40) Гусейн, хорошо вы-
глядите! (это не тебе, пока) — ТВОЯ МАМА.

ВЯЛЫЕ УШИ

Как-то раз баран Валентин не вытерпел и все-таки надел колготки («Ливайс», новые, сам распечатал), но не до конца, концы болтались.

Это произошло вечером.

Утром на надетой части колготок, а именно между рогами, обозначились стрелки и пунктиры, а в одном месте в образовавшуюся лакуну выпала наружу шерсть.

Баран Валентин посмотрел на себя в зеркало, екнул, но сдержался (без этих феминистических штук типа «ну и вид, кошмар, я прямо обезьяна, как ты думаешь»).

Овца Римма (от доильного аппарата) закашлялась и достала полотенце, которым замотала себе рот.

Мимо же проходившая козлова бабушка Маланья спросила без надобности: почему брал, и потом, через паузу, это что же за цена такая.

Придя домой, бабушка Маланья рассказала всю процедуру внуку Толику (тот лежал на раскладушке прямо в ватнике и с блюдцем поверх ватника).

Козел Толик пошуровал в блюдце, нащупал там соленый помидор и стал его высасывать, заливаясь

едким соком, но и на слова своей бабушки Маланьи не возражал.

Дело кончилось на том, что коза Марья поперлась на вещевой рынок и купила сыну на очередную свадьбу колготки фирмы «Уолт Дисней предлагает» (мэйд ин Косино Окт. ж.д.), и все произошло так, как рассказывала бабушка Маланья: т.е. наутро у молодого козла колготки поехали между рогами, и в образовавшийся свищ вылез клочок шерсти, а остальное пространство было испещрено стрелками, полосками и пунктирами, т.е. правда восторжествовала.

Общей мужской моде не подвергся, однако, волк Семен Алексеевич, у него не на что было натянуть колготки, при отсутствии рогов уши оказались вяловаты.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СМИРНОВА

Таракан Максимка собирался отвалить на так называемые «сухие именины», т.е. прийти после всех и доедать что осталось.

Но таракан жена Максимки Сильва решила быть выше ситуации и, снарядивши детей, хотя ее никто не звал, явилась прямо к началу, едва только выставили пироги и салаты.

Правда, когда семью заметили, пришлось сделать вид, что тут ошиблись дверью, и всю дорогу сидеть в мусорном ведре, пустом и чистом, дети даже заботились.

Но зато потом все было отлично, еды им навалили выше крыши, и особенно к концу все добавляли и добавляли, дети уже начали церемониться — то не буду, это не желаю — короче, загуляли на всю ночь, и их даже потом довели всю семью на попутке, и дети в полутьме качались, прижимаясь сонно к матери, а кто к отцу, и шептали, как они любят ходить в гости — а потом мусорное ведро опрокинули, и все весело заскользили в салатах, побитой посуде, окурках и винегретах на свежий воздух, а оттуда до дома было рукой подать.

И таракан Сильва решила всегда теперь так приходить, прямо к началу, что называется, не ожидая особого приглашения.

Вы нас звали выгоняли, а мы перлись не хотели (цитата).

День рождения есть день рождения, а подарок за нами, как всегда.

МАТЕРИНСТВО

Все было бы хорошо в семье таракана Максимки, если бы карликовые муравьи внезапно бы не ошенились (после одной прогулки в состоянии течки).

И буквально каждый карликовый муравей, что Хна, что Сенна, принес по сто сорок с лишним яиц нетто, итого куда ни ступи, везде сидит этот маленький крокодил и караулит яйца.

Как сквозь землю провалились их хваленая доброты, их уступчивость!

Они даже подлизывать прекратили.

Оба муравья твердо выбрали себе для высиживания самые светлые места жилплощади, упорно таскали с собой свои рюкзаки с яйцами к местам общего скопления: телевизор смотреть — они тут же сидят, как мешошники, среди своих узлов, по сторонам зырят, глаза отпетые, руки-ноги цепкие, не квартира, а Казанский вокзал!

Обедать — они тут же громоздятся прямо на стол с баулами, хватают из тарелок в четыре руки, а ногами подгребают.

Жвала выросли у них, как пассатижи, если кусок взят, не отынешь: буквально новая порода мурбуль-терьеры!

Таракет Максимка

Таракан Сильва, уж на что существо терпимое, и сама, бывало, в постели до обеда и там же ужинает, и газеты тут, и детей выводит — даже и Сильва вострепнулась, когда карликовые мураши Хна и Сенна стали бегать, как кони, у ней по ногам во время сна, подбирать крошки и косточки, а Сенна, как наиболее скандальная, караулила на подушке и выхватывала прямо с усов, что налипало.

Причем яйца они сложили у Сильвы в районе ее собственного яйцеклада, уверяя, что там якобы теплей, хотя это интимное дело каждого.

Что делать, вечный вопрос (и как остановить), встал перед семьей таракана Максимки: гнать не получается, нехорошо, неинтеллигентно.

Шелобанов Хна и Сенна не понимали, могли и цапнуть.

Далее, экология, «Гринпис» и восточные медитации запрещают гонения на живую силу противника: не вами создано, не вами и будет съедено.

Но, с другой стороны, и так в дому бедлам, а тут карликовые муравьи блеют, а то, бывало, яйца из мешков повытаскивают и разложат везде (такой, видно, цикл), вообще не ступишь ногой — но ведь тараканы не летают, даром что крылатые.

А дети у таракана Максимки и сами с усами, заводные, как танки, играют чужими яйцами в расшибалочку, а то и омлет в кастрюлю накокают без спросу и едят в сыром виде!

У Хны и Сенны бессонница, скоро окот, в яйцах уже у них постукивает без причины.

И еще другой вопрос: кому раздашь двести восемьдесят (грубо) штук помета?

Знакомых много, но не все согласны, хотя карликовые муравьи известны как санитары пола и плинтуса.

Таракан Сильва дала объявление в газету: «кар. мур. ласк. мил. бультерьерн. отдам в хор. руки уничтож. люб. отбросы за 2 мин. пять долл. шт.».

Однако все устаканилось в тот момент, когда малыши вылупились на свет: такие хорошенькие, беспомощные, лапки-усики крохотные!

Сильва с детьми была в восторге, носилась с помями, поила муравьят из лакушек, водила их гулять (колонна по десять) и гордилась ими.

Карликовые вызвали повсеместный интерес, и из деревни прибыл зооветеринар гигантский муравей Зоя Мурадовна с бутылкой собственного муравьиного, забрала все пополнение на природу, сказала, что у них в деревне доллары не ходят, только стеклянные с наполнением, и ушла во главе стада.

В результате Сильва и таракан Максимка потом гуляли всем на удивление, набилось народу, т.е. вышло даже лучше: с долларами еще неизвестно что делать, пошли бы ссоры куда прятать, дети бы требовали мотоциклы, ругая родителей за жадность, Сильва ночей бы не спала в мыслях о будущем, таракану же Максимке мерещились бы, как всегда, импортные химикалии: вопрос вопросов!

А так все безвозмездно оттянулись.

Кстати, Хна и Сенна стали снова добрыми, милыми, уступчивыми, как только детей у них взяли на воспитание. Все-таки материнство — опасный момент для окружающих, согласитесь.

УВАЖЕНИЕ

Когда гиена Зоя родила (был такой момент), собака Гуляш предъявил ей следующий распорядок дня: при наличии в доме щенков надо определить, кто в доме хозяин, так написано в самоучителе по собаководству для продвинутых.

— Ибо щенки, вырастая и матеря — (тут гиена Зоя зевнула с подвизгом, видимо, утомленная родами), а Гуляш продолжал выступать, — ибо щенки, вырастая и матеря, обязательно захотят стать вожаками домашней стаи.

Гиена Зоя на этом месте начала яростно вылизывать очередного.

— И будут с детства пробовать, насколько им это удастся, стать вожаками, ясно? — кипятился Гуляш.

— Ннн, ннн, ннн, — отвечала на это гиена Зоя, работая языком как помелом.

— И если щенку, — продолжал Гуляш с надсадой, — если щенку удастся вам что-то запретить — пиши пропало.

— Нннн, нннн, нннн — отвечала Зоя, все еще вылизывая своих пашенков (позднее материнство шло ей).

Она вообще вела себя все последнее время как королева, посылала Гуляша это достать, то купить, а теперь на слова собаки Гуляша никак не реагировала, только все любовалась своим пометом (т.е. детьми в целом, не подумайте про навоз), а собаку Гуляша словно бы все время приглашала любоваться тоже.

Он же, Гуляш, со своей стороны, был полон смешанных чувств.

Щенки лаяли на него, пусть симпатичными детскими голосами, но тьякали, это раз! Они не любили, когда бедный Гуляш ел из их миски, это два; орала, что он чавкает, это три; терпеть не могли, когда он чесал ногами, четыре, не говоря уже о ковырять в носу, тут такое начиналось! (пять, шесть и семь).

И так далее.

Гуляш им говорил:

— Моя прабабка была ризеншнауцер, по отцовской линии мой прадед был левретка, моя тетка волкодав! А ее муж дядька болонка!

А пашенки твердили:

— А ты сам-то кто! На себя погляди! Дворянин, да?

(Не подозревая того, что они по отцу тоже такие же, если не хуже, помесь вообще с Зоей, ваша мать гиена, если так.)

— И учтите, — увещевал свой выводок собака Гуляш, — в самоучителе пишут, что помыкающий всеми в семье щенок может оказаться весьма, цитирую, «робким по отношению к незнакомцам», конец цитаты. Ясно?

Собака Гуляш буквально надрывался:

— Далее пишут: «Эта схема может оказаться одной из самых дурацких в жизни», точка.

— Тяф, тяф, йоу! — отвечали на это щенки. — Остомордел ты нам. Уйди или мы уйдем, да, мама?

А гиена Зоя красовалась и говорила:

— Ну шо ты с ними лаешься, отец называется.

Разумеется, собака Гуляш все более и более отходил от семьи, все чаще его видели в обществе лукавого волка Семена Алексеевича и козла Толика, которые, видя тоску Гуляша, говорили ему:

— Ты меня уважаешь?

— Да, а ты? — отвечал он радостно.

И они сидели просто так за банкой.

Однажды плотва Клава плотно пообедала с семейством и прилегла отдохнуть после ночи, взявши с собой газету.

Тем временем дети, как всегда в ответственный момент, скучковались и начали играть в расшибалочку буквально у Клавы на голове.

Не помогли слова утешения, не помог и карп дядя Сережа, который высунулся в майке и орденах на босу ногу.

Дети резались в расшибалочку как нанятые, срывая таким образом послеполуденный отдых Клавы.

Башка причем трещала.

Но все-таки решение нашлось, когда карп дядя Сережа сбегал и вылил с балкона баночку канцелярского клея.

Дети, все так же крича, хотели разбежаться, но не удалось, и плотва Клава вынуждена была встать как мать с головной болью и мыть детей, причем канцелярский клей не боится воды, вот что выяснилось.

Что же было делать, если дети все как один склеились в плотный брусок и так и легли спать!

Вообразите себе состояние плотвы Клавы, когда ни накормить, ни умыть.

По счастью, дети вскоре передрались и плотным слоём упали с кровати.

Клей разлетелся как стекло на мелкие осколки, а дети опять пошли играть в расшибалочку, но теперь плотва Клава, наученная горьким опытом, выгнала их всех поганой метлой во двор.

Вот когда плотва Клава оценила известный лозунг Карла Маркса: счастье — это когда дети сыты, обуты, одеты, здоровы и их нет дома.

Карл Маркс сформулировал это дело не так точно, он сказал, что счастье — это борьба, но то же на то и выходит.

ЧУЖАЯ ЖЕНА

Как-то раз лягушка Самсон, так бывает, вывалил свой слишком длинный язык (мимо пролетала комар Томка), и тут внезапно хлопнула дверь, сквозняк.

И лягушку Самсона заклинило.

Самсон торчал у закрытых дверей, высунув язык, причем язык его простирался по обе стороны закрытых дверей, и как раз с той стороны, с внешней, торчащим языком Самсона заинтересовался мимохожий карп дядя Сережа, который приплыл стилем «фри-хасбэнд» и спросил у комара Томки, сколько время: просто так.

А у комара Томки часы-то на цепочке при груди, не как у всех.

Лягушка Самсон хотел ответить сам на вопрос, который был ясно слышен по его сторону двери, и залопотал языком, будучи от природы замкнутым (но тут экстремальная ситуация):

— Без пятнадцати пятнадцать (без пятнадцати и т.д.)

Но получилось невнятно, а карп дядя Сережа звякнул орденами и как цапнет Самсона за его отделено шевельнувшийся по сю сторону дверей язык!

(Пока комар Томка искала на груди часы.)

Лягушке Самсону стало щекотно по ту сторону дверей, и он сказал «tha пошел thy», управляя при этом своим длинным языком, который шевелился, если вам понятно, по другую сторону двери, где дядя Сережа-камп уже совершенно приспособился и даже увлекся, делая глотательные движения вокруг подвижного языка лягушки Самсона.

Теперь сами посудите, какая вышла ситуация, буквально «ни туда ни сюда», как говорят в Японии.

С одной стороны припертый к двери лягушка Самсон с ущемлением языка, с другой стороны тоже припертый к двери — язык проглотил — эмоционально тупой камп Серега, а посреди дверь и на ней комар Томка бьется, ищет в декольте часики, чужая жена в поле зрения пропадающего от щекотки Самсона.

Как всегда, всех выручила лягушка Женечка, она прибежала, пощекотала кампа дядю Сережу под животом пальчиком, камп дядя Сережа оглянулся и выпустил самсоновский язык, корчась от животного смеха, дверь открылась обратно сама собой, (верьте не верьте, такие совпадения бывают), и Женечка взяла мужа на плечо.

После чего лягушка Самсон вообще перестал общаться с народом, держит язык за зубами, и многие принимают эту черту за загадочность натуры, инолягушка Пипа, например.

ЖЕНИТЬБА

Как-то раз бабочка Кузьма решил жениться на иностранке, так легче.

Выбирать долго не приходилось, нашел ход, связи, и ему одну привезли без объяснений, приволокли на тачке и швырнули упакованную в ноги.

И тут любопытство сгубило бабочку Кузьму, он развязал посылку.

На третий день супружеской жизни бабочка Кузьма, однако, обратился к фельдшеру кондору Акопу, который поставил ему диагноз буквально следующий: «д-з вялотекущий вывих челюсти» или «привычный вывих челюсти», как кому больше нравится.

Челюсть у бабочки Кузьмы, реально, висела по третью пуговицу.

С этим диагнозом бабочка Кузьма долго жил у таракана Максимки в гостях, затем (много детей, кухня, помой) он перебрался к леопарду Эдуарду на окно (внешняя сторона) и смотрелся на себя как в зеркало, разинувши пасть в ожидании саморегуляции вывиха.

Ночами бабочка Кузьма бился о стекло окна Эдуарда, якобы просясь внутрь (особенно челюсть дре-

безжала), однако дальше дело не шло: Кузьма просто развивал грудобрюшные щетинки для поддержки вывиха.

Леопард уже привык и не открывал форточку всякий раз, заслышав барабанный бой бабочки Кузьмы.

Через неделю повеселевший Кузьма пошел к себе на старую квартиру, неся диагноз в ортодонтированных челюстях, на сей раз они сошлись.

Однако жена встретила его хорошо, компотом, сказала ему тихо «у нас будет бэби» и на ухо «хочется селедки атлантической», а потом «ты меня не бросишь ТАКУЮ» и в заключение «завтра иду в роддом, принесешь зефир и кефир» и после всего «к нам едет помогать моя мама, вы полюбите друг друга», а на прощанье «не хочешь ли ты сказать, что я лишняя в твоей жизни».

Бабочка Кузьма, однако, не поддался на уловки, предъявил диагноз и данные судмедэкспертизы (медведь милиционер младший лейтенант Володя постарался) и попросил гражданку Кузьму очистить помещение под угрозой передачи дела в суд.

Жена же, мадам Кузьма, быстро схватила со стола приготовленные заранее канистру керосина и спички, как вдруг на огонек зашел младший лейтенант милиционер Володя, и бабочка Кузьма утром проснулся у себя на квартире один среди сажи и благословил привычный вывих челюсти, доставшийся ему еще от топора паука Афанасия: чуть что, челюсть отвисает как посторонняя.

А гр-ка Софья Кузьма, урожденная Сонька Тарантул, по слухам, села на мотор и отъехала на родину.

Иностранки тоже бывают разные.

ДИСКОТЕКА

Карп дядя Сережа любил поговорить с молодежью о своих орденах, медалях и нагрудных знаках.

Но молодые, дети плотвы Клавы, в основном спрашивали у него, сколько стоит в зеленых та или иная медаль, а он отвечал, что а) не продает свою честь и б) только меняет на что-нибудь, и в) ему позарез нужен орден «Мать-героиня» высшей категории, от 20 детей и выше, редкая принадлежность.

Ребята плотвы Клавы, однако, были шустрые пацаны и как-то притаранили ему диск от колеса автомобиля неизвестной марки (дорогая вещь), но только в обмен на орден (они присмотрели себе «Дружбу народов», не слабо).

Карп дядя Сережа, волнуясь, продел голову в диск, как в воротник, засиял и тут же отстегнул детишкам орден (дружба народов, когда это было, всплакнул он, время-то летит, время!).

А сам, весь в слезах, поплыл в сверкающем диске, как ангел, но что-то не сработало, народ начал посмеиваться и крутить пальцем у виска, дядя Сережа не понимал юмора в чем дело.

Пришлось устроить стратегическую ревизию, стащить диск через жабры, и что обнаружилось?

Что карп дядя Сережа весь обвалялся в саже.

Поскольку обратная сторона видавшего виды диска оказалась мохнатой и черной, как сапожная щетка Зиночка до облысения. В результате жадный карп дядя Сережа вынужден был всю следующую неделю чиститься песком и мелким гравием, а диск он выкинул и больше на беседы с молодежью не покупался.

Дети же плотвы Клавы толкнули кинутый диск автомобилисту козлу Толику за двадцать пять зеленых (козел Толик нашелушил им с огорода зеленого горошку из стручков), и торжествующий Толик, как дурак, понес диск жене козе Марье, в результате к вечеру в доме была большая стирка, козлята сидели в тазах с черной мыльной водой, а диск был ловко запущен в козла Толика, который, хоть и находясь в саже по брови, от диска чудесным образом отмахнулся.

И что же опять-таки оказалось?

Что жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой, как всегда, нашли диск в чистом поле и устроили себе под этим сияющим (снаружи) куполом поселок гортипа Черный, дом молодежи с мужским стриптизом и рестораном «Каннибал», а также публичный дом, в котором имелось два входа: «Здесь будет город-сад» и «Здесь будет город-маз».

А на облысевшей под корень сапожной щетке Зиночке у них был туалет на тридцать очков в шахматном порядке, дверь оторвана.

Все как у людей.

БЕСКОНЕЧНЫЙ ФИНИШ

Паук Афанасий решил в честь мухи Домны Ивановны сменить технологию, т.е. довести число дыр до минимума, т.е. плести кружева особой плотности типа фриволь.

Но мухе Домне Ивановне, известной скандалистке, такое дело не понравилось, когда скорость свободного полета сокращена и приходится то и дело отплевываться, снимать с бюста и усов что пристряло.

Кому нужен этот бесконечный финиш, рвешь грудью, рвешь эти якобы финишные ленточки, тем более что таких финишей паук Афанасий мечтал завести сколько захочется, квантум сатис (как выражалась аптекарь гадюка Аленка, насыпая в прошлый раз пауку Афанасию в его отхаркивающую микстуру порошок рвотного корня, с мудрой улыбкой при этом: в количестве сколько захочется).

Сказано-сделано, муха Домна Ивановна, хоть и мать и прабабушка, не стала звать детей, взяла проблему на грудь, прошла на бреющем маршруте, и всю фриволь как рукой сняло.

При этом отважная летчица еще и песню пела «За городом Горьким», имея в виду только начало стро-

ки, а именно букву «з», зззззз и т.д., и исполняя все на мотив ноты «до» басового ключа.

Паук Афанасий, как всегда, наблюдал за полетами из противотанковой щели, пока муха Д. не удалилась, сквернословя, вся в пуху, перьях и отрепьях.

«А ведь если ее одеть, — думал паук Афанасий, — во фриволите, в тюль, запеленать и посадить в угол как куколку, и обнять!»

И опять у него пошла вожжами горячая слюна, и он сплел себе арфу, хотя играть не умел.

И он под тра-ля-ля исполнил популярный народный танец «Зарекалась свинья».

ВЕСЕЛЬЕ

Когда жук-солдат Андреич (в сцеплении с женой Веркой) доехал до дому на «мерседесе» и оставил авто у продушины, вся округа специально ходила пинать: пнешь — оно гудит, типа мемекает с перерывами, как козел Толик в крапиве после полочки.

Даже из дальних мест Акатуйской тайги приходили пни с опятами полюбоваться на эффект.

Жук же, солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой, сначала бегал на каждый сигнал с газовым пистолетом и обфукивал свой «мерс», отгоняя публику, но все зеваки в ответ на это еще больше загружались, пели лежа на спине, и только когда машина переставала мемекать, посылали детей пнуть как следует, сами не подползали.

Такое веселье шло долго, пока у жука-солдата Андреича и его жены Верки не лопнуло внутри.

Но вместо того, чтобы отволочь «мерс» обратно, откуда они его принесли на себе (свалка N2, деревня Ясная Холера), они разобрали свой забор и вкатили «мерседес» во двор, в лопухи за клетью, а потом собрали забор наглухо.

Пни с опятами отвалили первыми, а население еще долго тряслось под Андреичевым забором, надеясь получить еще порцию дури из газового пистолета.

Но не вышло, газа на всех не напасешься.

СОГЛАСИЕ

Волк Петровна очень хотела наконец-то поговорить с мужем волком Семеном Алексеевичем насчет развода, раздела имущества (детей я возьму с собой), затем денег на питание, большой вопрос многих, далее что касаясь поздних приходов с работы, более того, два выключателя сломаны, шланг течет веером и бачок перепрокидывается автоматически.

Волк Семен Алексеевич категорически возражал как против первых, так и против последних тем для разговора, нервно хохотал, бил ногтями по столешнице и ковырялся в носу, а затем уходил и возвращался домой только когда все спали: муж!

Волк Петровна вся извелась, пополнела, перестала выщипывать усы, и они отросли, как у терьера.

И она начала выть теми же ночами на луну.

Когда кто-то воет на луну, это явный признак несогласия в семье.

Далее: однажды волк Семен Алексеевич все же пришел домой с работы довольно рано для себя, т.е. в восемь утра, и застал волка Петровну неспящей.

Волк Петровна завела волка Семена Алексеевича в кухню, сопротивлялся он вяло и встал рядом с кадушкой соленых огурцов.

Волк Петровна говорила волку Семену Алексеви-
чу ровно час по ходикам все от первой цифры подряд,
что хотела.

И он не возражал, только все нырял волосатой
мужской лапой в кадушку, причем выше манжеты до
локтя пиджака, что значит совесть заела!

Так что волк Петровна высказалась даже слишком,
дошла до сокровенных мыслей о самоустранении из
его жизни.

И детей ему в морду, в морду!

Тебе ненасытному.

— Что все жрешь огурцы-то, — говорила Петров-
на. — Скажи в свое оправдание. Нечего?

И он не возражал, не произнес ни единого сло-
вечка.

Крыть ему было нечем.

Через час волк Петровна немного успокоилась,
вытерла слезы с бороды и сказала:

— Ведь можешь, когда захочешь, говорить по-че-
ловечески!

И он промолчал в знак согласия, обливаясь рас-
солом.

ДЕМОНСТРАЦИЯ МОДЕЛЕЙ

Как-то раз паук Афанасий выпил лишнего с червем Феофаном и стал дружески его опекать: тут, говорит, дует, сошью тебе кое-что.

И в результате сплел ему накидку, увлекся, сплел колготки с капюшоном — да и застегнул все это мероприятие наглухо на застежку типа «молния», а сам отпрянул в угол как мастер и сидит ждет демонстрации моделей.

Червь Феофан очухался, ищет выпить пепси, а сам ничего не различает, молния застегнута, аут.

Ну и погнал он вперед как кот в мешке, вслепую.

Паук Афанасий до слез дошел, так хохотал, но беззвучно, корчился, отворачивался, ногами сучил, губы плотно сжавши, чтобы не обидеть товарища.

Надо сказать, что он всегда в подобных случаях сдерживал хохот, особенно когда речь шла о демонстрации моделей: серьезное ведь дело, мужики.

Однако же червь Феофан недолго думал, погнул застежку-молнию, похерил капюшон и ушел в глухой отказ — свалил, короче.

Хулиганье какое, думал паук Афанасий, а ведь идеальная модель, шестой рост, полнота икс.

Но где идеал, там всегда кто-нибудь его да и попрет.

ЗАКАТ

Однажды медведь младший лейтенант Володя вытащил из шкафа вещдок, жемчужину, дочь моллюска Адриана, и поневоле задумался.

Жемчужина сверкала, как новая пуговица, но неизвестно было, что с ней делать.

Держать дальше в отделении эту пуговицу не представлялось возможным по причине того, что поступили новые папки и скоросшиватели, а жемчужина занимала какое-никакое, а все же место.

Выбрасывать жемчужину не хотелось, самое дело, вон еще кукушка Калерия говорила про нее, что просит отдать ей сиротку-ку.

Выбрасывать сироток — последнее дело, тырыпыры.

Медведь Володя даже зачесался (подмышкой) от такой непроходимой дилеммы.

Вызванный по рации моллюск Адриан отказался забрать свою незаконную дочь, мотивируя это тем, что он уже ее воспитал, она совершеннолетняя и не до пенсии же ему караулить детей.

Амебу Ра (Му) даже и запрашивать было бесполезно, согласна ли она взять на воспитание жемчужину, результат своего хулиганского поведения: жемчужи-

на была на несколько порядков громадней малыш-ки Му.

Что касается кукушки Калерии, которая буквально требовала отдать ей бедную сиротку-ку, то всем была известна ее манера обходиться даже с собственными детьми.

В результате милиционер медведь Володя позвонил леопарду тете Гале, которая тут же согласилась принять жемчужину на работу стрелком ВОХР (обязанность — находиться в караульном помещении по графику: сутки — работа, трое суток хоть валяйся, выдается чайник, брезентовые рукавицы и валенки раз в квартал).

Караульное помещение не отапливается по договоренности, в комодке и так тепло.

И милиционер медведь Володя, младший лейтенант, с облегчением закрыл дело о хулиганском закате песчинки на жилплощадь моллюска Адриана несовершеннолетней амебой Ра (Му).

ТАРАКАН - ФИС

Сын таракана Максимки, таракан Максимка-юниор, юноша, не знающий бритвы, вдруг опомнился, осмотрелся вокруг себя и решил жить по-другому, не так как мамка с тятей, папа вообще роняет из рук посуду, а мать неспособна веником взмахнуть, только курит да по телефону травит, накручивая усы на горячую вилку.

Баста с этим, вдруг по-итальянски подумал Максимка-юниор и ушел из дома жить к подруге, дочери жука-солдата Андреича, которая хотя бы мазала ногти ярко-красным лаком и все остальное тоже.

Девушка оказалась умная, начитанная, могла даже различать по-английски слово «доллар», а по-немецки слово «марка», и даже понимала, как употребить множественное число, т.к. однажды уже накололась, сказав слово «марка» буквально, в единственном числе, и получив именно такой результат, вообще обнаглели все.

Всему этому она живо научила таракана Максимку-младшего, а он научил ее выражению «что ж я маленьким не сдох».

И все было бы хорошо, но подметать все равно никто не подметал, юношеские порывы не всегда совпадают с реальностью.

квѣтъ тѣмъ
Оксаме

ГЕРОИНЯ

Клещ тетя Оксана задумала уборку плюс мытье окон, и так получилось, что в результате с тряпкой в одной руке и с мылом в другой, со шваброй в третьей, с ведром в четвертой, а в пятой и шестой по венику и совку она шуранулась с подоконника вниз, прости-прощай.

И что бы вы думали?

Когда ее хватились и клещ дядя Юра вышел на улицу обмозговать эти дела, клещ тетя Оксана уже драила штукатурку фасада вокруг окна, из которого совершен был выпад, на расстоянии пределов досягаемости, причем ходила по стене вверх-вниз без приспособлений, как-то: без карабинов, кошек, липучек и т.д. — а просто так, в порыве труда.

Клещ Юра сам себе кивнул и удалился.

Как всегда, клещ тетя Оксана не звала на подвиг никого, сама совершала его как героиня.

Но зато и материла потом всех в полном праве.

НАРОДНЫЙ ЮМОР

Козлова бабушка Маланья ела газеты с разбором: не всякую еще и в пасть возьмет.

Коза Машка просто измучилась со старушкой-разберушкой, все жаловалась по телефону и лягушке Женечке, и волку Петровне: приготовишь, нашинкуешь, заквасишь даже в ушате, все поели, а козлова бабушка Маланья морду воротит и заявляет, что наша невестка все трескат, а я не в силах.

Народный юмор.

И еще бабка добавляет в таком же духе: к нашему, видите ли, берегу не привалит хорошего дерева.

Имея в уме, конечно, что коза Марья плоха для нее.

Тоже народный юмор.

Коза Машка даже насобачилась отрубать название газеты, стала мешать шрифты и готовить вообще бумажную тюрю, но козлова бабка Маланья различала газеты по запаху, выплюнет все в седую бороду и скажет: «Сколько лет, а сраму нет», народный юмор опять-таки про козу Марью, разумеется.

Ну что, что ты хочешь-то, скажи, я специально, нарочно буду готовить, будто бы восклицала коза

Машка, а на самом деле она так только жаловалась мужу козлу Толику.

Козел Толик же уважал бабины вкусы и не подерживал возмущения супруги, гасил в зародыше, отмалчивался.

Ну что вы думаете, коза Машка стала баловать бабушку Маланью, покупала ей что ни то импортное, «Вечерний Киев», например, или же вообще восточную кухню, «Северная Корея сегодня».

Тогда бабка Маланья начала жаловаться соседям, что непонятно какой вкус, отдает жеваной бумагой, сладко откусил, горько слизнул.

Короче, бабка вернулась к отечественной продукции, и как после импорта пошло наше родное квашеное, вяленое, пахучее, даже остро-солененькое, как раздел «в номер срочно» в «Московском комсомольце», кто кого чем убил: народный юмор.

МАЛЕНЬКИЙ ПРАЗДНИК

Ни к селу ни к городу комар Томка сделала себе маленький праздник, не предупредив об этом мужа комара Стасика.

Стасик явился домой усталый после долгих переговоров со свиньей Аллой, старый роман без результата, пролитое молоко.

А тут дома кавардак, комар Томка лежит в шлепанцах на кровати, сама помятая, глазки кислые, шелкает семечки, на подушке селедка прямо в бумажке, полторта в коробочке, под кроватью две пустые банки из-под антикомариного спрея, пепельница с окурками, кругом шелуха и наляпано, старые газеты на полу плюс вода некипяченая.

По радио передают марш «Прощание славянки» как специально.

Комар Томка на вопросы не реагирует, только воспаленно моргает.

Тут бы комару Стасику взорваться и газеты в клочья!

И торт послать сильной рукой по синусоиде.

Ан нет, комар Стасик терпеливо все собрал, он понял причину этого маленького празднества (все та же свинья), и всплакнул над водой: вдвоем, всегда

вдвоем они переживали все его невзгоды, его роман — ее роман и так далее, но никогда в обратном смысле, ни-ни.

Как говорится — ежели я кого-то, то это мы с Томкой кого-то.

А если ее кто-то, то это меня кто-то.

Такой закон семьи.

ПТИЦА ТЛЯ

Однажды кривой пастух муравей Ленька так, по выражению бабки Маланьи, наглохтился, что упустил стадо, прилег к мощному стволу земляники и в результате чуть не утонул в росе, но не проснулся.

Стадо тлей пришло само, муравей деда Миша, однако, не обнаружил тли Зорьки и ходил до ночи по деревне, клича: «Зоря, Зоря!»

Каково же было его удивление, когда тля Зорька вышла из дремучего подорожника посвежевшая и взволнованная, и не одна, а в сопровождении трех диких тлей противоположного пола.

Одичалые самцы шли за тлей Зорькой, готовясь к неравной взаимной борьбе, трубя и крутя извилистыми рогами, роняя на ходу зеленую пену, и потому не заметили, как муравей деда Миша обротал их, запряг и с криком «Поди, поди!» помчался на тройке — эх тля, птица тля.

Но помчаться не получилось, на пятой поперечной траншее ихнего шоссе муравей деда Миша потерял управление и выехал на встречную полосу, где следовал жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой за бампер.

Результатом было то, что у тли-коренника снесло фуражку, часть носового оперения и жвало, а жук-

солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой не вписался в такой поворот и перекинулся.

Однако же тля Зорька послужила еще раз: призывно тряся бюстом, она вытянула самцов из колеи, и они, буквально пожирая глазами тлю Зорьку (вид сзади), прыгнули из трясины.

Что касается жука-солдата Андреича с женой Веркой, то они заснули как были, в перекинутом виде на своем «мерседесе» — не привыкать.

Клоп Мстислав и его
мечта

НЕ ТЕ ВРЕМЕНА

Клоп Мстислав хранил память о расстрелянном отце и долго не решался жениться, тем более что был одинок, и даже свинья Алла вызывала у него после одного ночного происшествия чисто негативную реакцию: толстокожая самка.

Не говоря уже о собственной бывшей жене Аде и детях Мстиславичах, которые были воспитаны на фильмах ужасов, замахивались просто так ногами и родного отца не ставили ни в грош, не говоря уже о герое-дедушке, красном санитаре на донорском пункте.

Так вот, размышляя о будущей семье, клоп Мстислав представлял себе тихую, чистую изолированную жилплощадь (а сам вынужден был жить с бывшей женой в одной постели), затем он воображал себе хрустящие простыни, непрожаренные бифштексы (!), скромных, молчаливых, послушных детей, говорящих «папенька», и «вы», а уж потом клоп Мстислав воображал себе жену, и с одной стороны выходило, что она длинноногая, глазастая и огневая, а с другой — что она скромная полумойка.

(Клоп Ада отличалась, наоборот, тем, что в талии была гораздо шире, чем в плечах, и в минуты гнева махала хоботом.)

В конечном итоге клоп Мстислав подсчитал зарплату минус алименты (дети только знают кровь отцовскую пьют) и сколько стоят хрустящие простыни и непрожаренные бифштексы, и сердце его защемила тоска.

И он теперь в свободное время ходит в библиотеку и бесплатно читает там газеты с брачными объявлениями.

Но глазастой, хорошо обеспеченной, скромной длинноногой огневой поломойки он пока не нашел, не те времена.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Микроб Гришка Квартиросъемщик решил квартирный вопрос так: а) сдал свою хату иностранцам; б) сам запланировал поселиться в диких местах, где подешевле: и нашел через знакомых, через пиявку Дуську Сосо, хотя не особенно удобно, в больничном автоклаве под давлением 5 атмосфер, t 120°, 25% жидкий хлорамин кипит, стерильно.

Зато чистое белье, ничего не стирать, не подметать, хотя питание хочешь не хочешь — хлорка на первое, на второе и в компоте.

Первая фаза, т.е. с иностранцами, прошла хорошо, семья возбудителей болезни Гейне-Медина въехала в Гришкины апартаменты, но там у них немедленно возник бытовой сюжет с соседями сверху (некто бактериофаги группы ФАУ-1), которые соседи неоднократно заливали квартиру Гейне-Медина со своего этажа кипятком, якобы у них лопнула труба.

А Гришка Съемщик, получивший баксы, был в недосягаемости, варился в автоклаве, предварительно надев щитки и каску полярника, а детей и жену отправил к теще в деревню Ясная Холера.

Новое местоположение показалось ему неудобным, но доллары приятно охладили голову под каской,

даже когда полностью скипело и хлорка выпала в осадок.

У семьи же Гейне-Медина не было никакой жизни, сплошной ремонт, побелка, все под газетами и маляры травят байки, там более что иностранцы ничего не понимали, кивали и по-глупому улыбались, как им свойственно, отдавая деньги.

Вдобавок верхние соседи, бактериофаги, в ответ на звонок в дверь (новая протечка) высунули на прищельцев такие страшные циферблаты, что робкие Гейне-Медина свернулись в пружинку и пошли щелкать вниз по лестнице один за другим все восемьсот стыков.

А микроб Гришка Квартиросъемщик, не выдержав режима автоклавирования, угорел и в результате накрыл морду носовым платком, смоченным природной влагой, такой сюжет.

И когда автоклав открыли по окончании цикла дезинфекции (новый заезд), микроб Гришка съехал оттуда, продлевать путевку не стал.

Затем он (возник вопрос куда податься) стал бомжевать у себя на лестнице под дверью возбудителей болезни Гейне-Медина, кашлял и колготился, а они мало того что не пустили его, но и вообще показали свою истинную сущность и, не прекращая по-дурацки улыбаться, наставили микробу Гришке под глаз две булды разного цвета, при том что сам Гришка после автоклава стал прозрачным до неузнаваемости.

В итоге он сдал возбудителям квартиру еще на полгода, а жить на лестнице оказалось гораздо легче, чем в автоклаве: после всех переживаний микроб Гришка Квартиросъемщик обустроился на самом сквозняке, в лифтовом оборудовании, снял нишу в коммуналке, соседи приличные, чумные и грибковые семьи, только одна старушка-революционерка, бледная спирохета по прозвищу Клара Сифон (которой

бойкие чумные все время показывали ребром ладони на нос) всем угрожала, что плюнет в суп, если не прекратят размножаться в местах общего пользования.

Ночами, под одеялом, Гришка Квартиросъемщик считал баксы, а утром (не солить же их) покупал себе литр муравьиного и постепенно разбавлял один к пяти.

И только тогда доливал гнилушовки.

Он был вообще хороший микроб, кудрявый и умный, но квартирный вопрос его измучил.

Вопрос такого рода: квартиру сдавать обсуждению не подлежит, но когда остановиться?

Лявка Сосо и
воробей Тусейч

ПАЛЛА

Блоха дядя Степа после долгой и продолжительной супружеской жизни с блохой Лукерьей вдруг как-то однажды не явился домой.

Оказалось, он ушел к буфетчице пиявке Дусе, известной под кличкой Сосо.

Причем он ушел, бросив все: детей, внуков, правнуков, праправнуков et cetera (10 поколений в месяц), налаженный дом, дачный участок, транспортное средство, т.е. собаку Гуляша, а также друзей с гигиены Зои, к которым ходили каждый уик-энд на кровяную колбасу.

Блоха Лукерья поскакала к ворожее, козловой бабушке Маланье, та отвертелась туманной цитатой «не мыло, не измылится» и вообще говорила с Лукерьей в стиле все вы блохи нация такая.

Блоха Лукерья обиделась за свой народ и поселила к бабушке самую отпетую семью праправнуков, так называемых «махновцев», 165 голов, в результате козлова бабка Маланья потом долго расчесывалась в бочке с керосином, непечатно вспоминая визит Лукерьи.

Что касается блохи дяди Степы, то он, по слухам, устроился работать вместе с пиявкой буфетчицей

Дуськой по кличке Сосо в ночь на полставки в гипертоническое отделение, где пиявку ценили, несмотря на то, что она всегда еле ползала, набравшись.

Блоха дядя Степа раздобыл на больничных харчах, днем отсыпался и так далее, пока наконец шалавая пиявка не была обнаружена им, Степаном, в объятиях воробья Гусейна.

Когда и где они успели познакомиться, неизвестно, Гусейн вроде бы лечил хвост в стационаре, в урологии, но пиявка Сосо отрицала измену, уходила от ответа, всячески виляла, просто воробей взял ее полетать, так она объясняла свое отсутствие.

Но не то было с воробьем Гусейном, который заявил, что хорош сюда париться, ты, копченый.

Так что в один миг блоха Степа оказался яко наг, яко благ, т.е. без ПМЖ, и, мало того, в депрессивном виде.

То есть он вернулся домой к блохе Лукерье, но детей у них больше уже не было, так как дядя Степа ночами сидел с радикулитным зятем блохой Валериком и коллекционировал шпингалеты.

Правда, он взялся за строительство, когда махновцы в полном составе, в кибитках, с узлами и колясками вернулись на родину, исключительно сильно воняя керосином, без которого они теперь не могли жить.

(Они приняли так называемый «передоз», т.е. вмазались не по-детски, говоря их словами, в бочке у козловой бабушки.)

Дядя Степа-блоха ничего не понял, но построил им на скорую руку поселок Светлый подальше, в сейсмоопасной зоне «Бам», на хвосте у Гуляша.

— Наркоманы проклятые, — проводила их блоха Лукерья напутственным словом с лоджии.

А блоха дядя Степа стоял рядом как сиротка, ожидая одобрения, но не дождался.

— Почему это, — спросила в пространство блоха Лукерья, и ее смуглое лицо заблестело от слез, — почему это тебя испортили, а я должна расхлебывать. Твоя это палла.

И он ее горестно обнял.

И назавтра блоха Лукерья родила точно в срок.

СОБСТВЕННОСТЬ

Козел Толик наконец купил себе машину красного цвета, правда, мечтал о колере «мокрый стакан», но вышло по деньгам, т.е. самой простой модели, взял педальную, что делать!

Внешне все было о'кей, а под капотом приходилось пошерудить копытами.

Но это козел Толик еще как-то бы перенес, дети-то ездят, молоти знай по педалям, а вот отсутствие таких важных мужских занятий, как лежание под мотором и беседы о дисках и наконечниках, все это, вместе взятое, больно ударило по самолюбию козла Толика.

И не гремело и не воняло: казалось бы, мечта «Гринписа», экологически чистый вид транспорта, а вот поди ж ты, хочется, как все, поколдовать, поднявши капот, чтобы все вздрогнуло, с канистрой подбежал, уже фурычит, раз — и уехал, а то выкладываешься, как потный дядя на гонке Париж—Деревнищи.

Машка одобряла идею покупки машины, сама дала денег копейка в копейку, сама выбрала цвет, возить же должен был козел Толик: Машка нагружала автомобиль бидонами под завязку, а обратно кормами — есть-то надо.

А козел Толик надрывался, бил копытами.

Что еще, по мнению козы Машки, было хорошо в этом автомобиле помимо цвета — это никакого лихачества в пьяном виде!

Наберется козел Толик, как сука блох, шасть в машину, другой бы включил мотор и рванул бы с ревом, а козел Толик поелозит ногами, поскребет, сразу весь пеной покрывшись, и сходу тырится обратно в сарай, причем на первой скорости, еле можаху: спорт и алкоголь несовместимы.

И еще вот почему он проклял тот день и час, когда выкатил машину с базара: поскольку дружбаны, волк Семен Алексеевич и известная собака Гуляш, норовили прокатиться на халяву в его транспортном средстве и чуть что — ловили его с дурацким смехом на шоссе и ехали с ним на рынок как на прогулку, брали там бутылевского и опять в машину, лопали у Толика на глазах, т.е. на заднем сиденье, понимая, что козел за рулем и по дороге пить не будет, а они пили из горла, резвясь, как две хищные барракуды.

Акулы и все.

Без машины, думал козел Толик, было много легче, выпьешь и ложишься в борозду, а тут чуть что — вытирай и мой автомобиль, остановился где — снимай педали и носи с собой, такое противоугонное средство, не говоря уже о том, что друзей возненавидел, родную жену убить готов, всем автолюбителям завидуешь и ночами не спишь, как бы кто колеса не поженил.

Плохой сон, физические нагрузки и моральные сомнения сделали свое дело, и козел Толик послал жену Машку на курсы вождения.

Коза Машка сдала экзамен только с третьего захода, волновалась, путала право-лево, красное-зеленое, но потом намастырилась и стала сама ездить с молоком, а козел Толик храпел на заднем сиденье среди

фляг и бранился, когда жена его будила таскать бидоны и мешки.

И он так страшно матюгался, наш козел Толик, что коза Машка однажды призадумалась, стоя над его раскладушкой, и плюнула, не стала будить мужа, учесала сама на своем самокате, обошлось.

И все возвратилось на свои места, козел Толик опять любит друзей, воспитывает жену, покрикивает на детей, и перед ним все открыто, все пути — Акатуйская тайга, город Деревнищи, огород с красавицей ромашкой Светой, любая колея на родном шоссе...

Еще и волк Семен Алексеевич побренчит на гитаре так, что слеза навернется: «Я с Хильдой-дой-дой» и т.д.

Собственность вредная вещь, забываешь о душе.

KLAVA KARENIN

Однажды плотва Клава взяла и бросила своего мужа, плотву Вову Л., который вечно был всем недоволен и постоянно делал замечания Клаве насчет немытой посуды.

В результате Клава переселилась к карпу дяде Сереже чистить его нагрудные знаки, все-таки не одна.

Клава всегда говорила, что не любит дырку сиротку, неизвестно что имея при этом в виду.

Карп дядя Сережа внешне воспринял это дело без трагедии, образ жизни не поменял, ходил дома в трусах.

А вот плотва Клава изменилась, стала интересной, нервной, голос сломался до баритона, причем она всюду попевала за карпом, даже за бугор с выставками нагр. знаков — а детьми управляла по телефону.

Дети передавали друг другу трубку, говоря «да-да-да», а плотва Клава сначала спрашивала наобум: «Ты думаешь обо мне», а потом только восклицала «ТЫ КТО», но трубку уже вырывал следующий, и вопрос попадал точно в паузу.

Муж, плотва Вова, тоже не изменил образа жизни, целыми вечерами смотрит телевизор, а днем спит, но

KLAVA KARENIN
(φωτ. Β)

одновременно заинтересовался философией Толстого, т.е. как правильно реагировать на женщин.

Это привело его к разысканиям, он начал рыться на дне пруда в поисках исчезнувших цивилизаций, шлялся туда с киркой, чайной ложкой и ситечком, и недавно надыбал пенсне Льва Толстого — оказывается, писателю прописали, а он не стал носить, отдал Софье Андреевне (см. фото) под видом того, что жена гораздо больше смахивает на Чехова (см. фото).

В доказательство плотва Вова приводит окаменелый след Софьи Андреевны на берегу пруда (см. фиг. А), сохранившийся до наших дней.

Якобы Софья Андреевна, размахнувшись, бросила в пруд подарок Льва Толстого под девизом: «Так не доставайся же ты никому», и на отпечатке ясно просматривается поворот ее сапога, а отпечаток второй ноги отсутствует (см. фиг.Б), гипотеза: второй ногой Софья Андреевна тоже размахнулась.

Благодаря этим поискам и находкам обычно ленивый плотва Вова, вдохновленный собственной семейной трагедией, выпустил за рубежом книгу «Толстая и Толстой», а затем опубликовал также одноименную пьесу, которую леопард Эдуард мечтает поставить в реальных условиях пруда с привлечением западных сил, африканского льва и английского огородного вредителя сони как исполнителей.

Содержание спектакля: соня чешет к пруду в пенсне и т.д., весь хвост в репьях, а лев сидит на вокзале с сумками, как нищий, грива тоже в репейнике, готов отъехать.

Оба по ходу дела выдирают из шерсти клочки (находка автора, чтобы актеры были заняты сквозным действием).

Т.е. это два монолога, а репья вокруг пруда квантум сатис (до омерзения, лат.).

Однако на том берегу пруда, в американских университетских кругах, пьеса имела большой успех из-за особенностей перевода, там нет наших окончаний, пьеса называется «Толстой и Толстой», (Tolstoj & Tolstoj), и оба Толстых состоят в длительном браке и дико ревнуют друг друга, имея много детей: загадка славянского темперамента!

В университетских газетках даже появилось фото из спектакля: два бородатых целующихся супруга, один из которых в пенсне (фиг. В).

Что касается плотвы Вовы, то он, кажется, получил стипендию в бостонский бестиарий на два семестра по теме «Еврейский вопрос в произведениях Брэма».

А плотва Клава приезжала на свиданку с детьми, как Анна Каренина, кинулась к младенческим кроваткам, зажимая нос кружевным платочком, но никого не узнала: там лежали уже взрослые внуки-курсанты.

Об этом и хлопотал всю жизнь Лев Толстой, чтобы баб наказывала сама жизнь.

Живет, порхает, а ей в трамвае вопрос: «Бабуля, как проехать».

КЛИНИКА

Однажды бабочка Кузьма не рассчитал траекторию и подавился блином. В глазах у него засбоило, в ушах что-то залопотало, зафикало, какие-то неземные голоса типа милицейской сирены.

Потом пошел туннель.

Бабочка Кузьма полетел на свет, как полагается, там его якобы окружила родня, какие-то гусеницы в светлых одеждах, причем на разных стадиях развития, даже в виде коконов, а кругом вообще порхали желтки в сиянии белков, т.е. яйца с крыльями.

Был чудный сад нетронутой капусты, веял зефир и т.д., но затем пришлось всовываться задним ходом обратно в туннель, причем было впечатление (у бабочки Кузьмы), что снизу поливают чем-то типа кваса.

Оказалось, бабочка Кузьма пережил клинический случай, так называемое «склеил лапы».

Куда делся блин, он не понял, но фельдшер Акоп выглядел сытым и довольным, ковырял спичкой в зубу и на все вопросы отвечал словом «мамочка», типа «мы еще с вами, мамочка, повоюем».

После этого случая Кузьма долго смотрелся в пудреницу, переживая «мамочку», и наконец решил-

ся на пластическую операцию по омоложению, в результате чего тот же фельдшер Акоп слепил ему вместо носа пельмень, мотивируя это отсутствием материала, а резкое похудание пациента (щеки повисли, подфарники тусклые) объяснил тем, что бабочка Кузьма упал с операционного стола, когда он, Акоп, улетал за бинтом.

Но никто ничего не заметил, ромашка Света приняла бабочку Кузьму и таким, а воробей Гусейн ни к селу ни к городу прислал поздравительную телеграмму с фразой «есть свист, что нас двоих шлют на гавань есть селедку».

Просто клиника какая-то.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД

В районах Акатуйской тайги на всех столбах и заборах появилась афишка:

«Разгадавший тайну генетического кода».

Далее шло:

«Медсанчасть Яснохолеринского грибкомбината».

Чуть ниже мелко:

«Приводите детей. Проверка будущего».

И большими буквами:

«Канд. мед. наук, проф. член-корр. АМН АТ клоп Мстислав. Секретарь медкомиссии пиявка Сосо. Ответственный за мероприятие пень Смирнов».

В день выступления жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой долго сидел за трехлитровым баллоном гнилушовки, семья решала, ехать или нет.

В результате поехали.

С ними увязалась жук-солдат тетя Лида, сестра Андреича, причем в плюшовке от «Адидаса», в резиновых сапогах, в полушалке с лейблом «Маша Цигаль».

Детей собрать не удалось.

Их не интересовала собственная судьба.

Они смотрели по видуку дамский сексуальный футбол (голые нападающие).

Т.е. новый вид спорта.

Мощно отталкиваясь ногами, жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой и сестрой Лидой Андреевной тронул «мерседес» и через два брода на третий выкатили машину в чистое поле.

Жук-солдат тетя Лида достала из кошелки бутылку, вытащила пробку жвалами (верхняя челюсть фарфор, металлокерамика завода «Изолятор»), и постановили отдохнуть.

Для этого сели в салон автомобиля.

Там все еще пахло после вчерашнего.

— Да ну, слышали мы это дело, алкоголь, разрушение генетического кода, — сказал после третьей жук-солдат Андреич.

— Му-му, — подхватила жук-солдат Верка, закусывая рукавом от Нины Риччи.

— Живем, и дети живут, и внуки-правнуки, — согласилась жук тетя Лида.

— Код, кот. Коту баян, — опять завел свое Андреич.

— Муму, муму, я обалдеваю, — подтвердила жук-солдат Верка, занюхивая выпитое браслетом квазиголд Диор.

— Пили и пить будут. Какой там код. Гнали и будут гнать, — уверенно сказал жук-солдат Андреич.

— Сегодня секонд-хэнд открыт? — поинтересовалась тетя Лида.

— Завоз завтра. Обещались прислать от Унгаро и Тати, — живо отреагировала жук-солдат Верка. — Маленькие платья для коктейля, резинки от трусов б/у.

— У меня внуки уже в двухнедельном возрасте знают гнать, — резюмировала жук тетя Лида. — Вот это генетический код!

— А в Ясную Холеру завезли сахар из Швейцарии, так из него не получается ничего, не гонится. Муха Домна Ивановна полмешка взяла, теперь сидит, ту же сельдь ест, сахаром посыпает. А что делать!

— Сваливают нам что похуже, конечно.

— Это у них генетический код! — откликнулся жук-солдат Андреич.

Лишья Экспонат

КВАДРАТ

Однажды микроба Гришку Экспоната потащили под микроскоп.

Волокли долго, на разных видах транспорта, под конец даже наняли такси.

Гришка только пузыри пускал.

Потом завезли в отель и там бросили со всем тряпьем в номере «сингл».

Гришка сразу врубился в телепередачу, там кого-то долго секли ледорубом, м.б. Льва Троцкого, но мелькали голые зады.

Гришка смотрел эту интересную сечь до утра, а потом за ним приехала все та же иностранная студентка и на своем «роллс-ройсе» похилила с Григорием к месту встречи.

Там Гришку Экспоната наблюдали пятнадцать человек во главе с профессоршей, их интересовал пост-феминизм, и Гришка вертелся перед ними так и эдак, то свивался огурцом, то делал штопор, то (sic!) квадрат.

Студенты жевали, пили, ставили опыты, капали кислотой.

Гришка как объект вел себя неординарно и в результате выпал за смотровое стеклышко, вообще растворился во мраке.

Обратный путь он проделал тайно, сидя на студентке-гиде, причем у нее под ногтем, но зато явился в свой сингл сразу в компании трех девиц, возбудителей чесотки, до того живших в жидком мыле и поэтому сразу потребовавших пива.

Еще одну ночь Гришка Экспонат провел nepядочно, а потом смылся окончательно, вернулся в первом классе в родное стойбище.

Там он почувствовал себя опустошенным и на вопрос, а подарили ли ему подержанный компьютер, отвечал что да, подарили, но он его тоже подарил трем хорошим людям, а то было неудобно, они ему буквально все, а он им ничего.

В результате вскоре к Гришке на побывку приехал отряд юных возбудителей чесотки, у которых у всех было Гришкино телосложение и они могли строить квадрат и пирамиду по команде «Де-лай!»

Гришка детей не оставил, всех накормил болтушкой от чесотки, дети даже с собой прикупили («на свою валюту, папа, не парься как бы») и в самолете на обратном пути они то и дело прикладывались к флаконам, их заметно перло не по-детски.

— Башню срывает, — восхищались они.

Гришка Экспонат махал им с земли, делая квадрат, чтобы они его разглядели.

ХАХАЛЬ

Волк Петровна решила завести себе хахалю, раз у волка Семена Алексеевича такие дела, что сутки он работает, трое суток он выходной (т.е. выходит из дому и не приходит).

Волк Петровна, недолго думая, почесала в гости к подруге козе Машке, якобы семейный праздник.

Она принесла Машке десяток любимых таблеток «уголь активированный» для кожи лица, плоды чертополоха детям кидаться и бусы собственной ручной работы из коры дерева joster, одна бусина в день на стакан кипятку, и никаких проблем: волк Петровна специализировалась как травник по кишкам.

И что же?

За стол село ровно шестнадцать душ, так что казалось бы, но из них семеро младшие ребята козы Машки и их друзья, возили друг друга в миске по полу, сломали дверь в ванную и целовались в уборной, все это второклассники, а также играли в кто доплюнется до винегрета, победили все как один.

Остальные восемь — это козлова бабушка Маланья в глубоком маразме по случаю винегрета, то есть унесла весь таз к себе в клуню и больше так и не вышла к гостям.

Валк Петровна

Затем козла Толика дальняя родня из Акатуйской тайги маралы муж с женой, проездом, приехали сдавать рога мужа (а жена-то, жена, скромница, по виду и не скажешь, но рога выросли ветвистые), это, считая самое именинницу, еще четверо.

И еще трое были взрослые дети маралов, все самки на выданье, Алюль, Булюль и Хиштаки Саританур, одеты в спортивную форму якобы «Рибок», вид базарный.

А шестнадцатая волк Петровна, смотрит по сторонам и думает, куда попала и где хахали.

Темы для разговоров были про воспитание, дети сидели мрачные после оплеух бабы Маланьи, коза Машка говорила «Ничего, еще картофельные очистки остались и силосу два ведра, сена полные сушила», (утешала волка Петровну, надо думать), маралы трескали в пять горл и хвастались, где и почему принимают панты, при этом два раза муж с женой сцепились на эту тему, в какой приемный пункт идти, в результате жена не пожалела задних копыт, козловы дети, собравшись полукругом, делали свои ставки и т.д.

Причем самки Алюль, Булюль и Хиштаки Саританур тоже отца не защитили, только сказали по одному разу громко «ну ма» (с носовым произношением).

Волк Петровна от души, по-бабьи, пожалела марала Константина, особенно когда он взревел и схватился за рога, кусок оказался отломан.

Его жена марал Роза усмехнулась, а волк Петровна повела Константина к рукомойнику, причем марал всю дорогу мычал «клей, клей».

Оказалось, у него и так рога уже были слеплены в трех местах.

Вот такой выдался праздник.

А ведь волк Петровна из присутствующих хотела выбрать себе хахалю, и на тебе, пришлось варить

клейстер и весь вечер склеивать рог маралу Константину, причем марал Роза не принимала ровно никакого участия, смотрела телевизор, а дети пошли на улицу играть теперь в сопли.

И даже когда рог был приклеен, марал Константин не сказал ни спасибо, ни начхать, а поскакал смотреть в зеркало с криком «Роза, Роза, смотри, рог!»

Причем он не выговаривал букву «р» и жену называл «Оза».

Волк Петровна, однако, пришла домой под утро, как нормальная баба, у которой есть хахаль с хатой (засиделась у козы Машки, уложили детей, курили, мыли посуду).

В результате волк Петровна столкнулась с мужем волком Семеном Алексеевичем у замочной скважины.

Это был миг торжества.

Однако волк Семен Алексеевич понял все однобоко, что его ходили искать, и стал бормотать, воротя дуло на сторону, что засиделись на обсуждении, компьютер завис, ключ унесла с собой референт овца Римма и нечем было запереть, пока вызывали Римму и т. д.

Но в ответ на это волк Петровна возразила, что тоже хотела в три часа ночи поймать машину, но подумала об опасности, ожидающей ее на ночном шоссе, и попросила себя проводить до угла Пушкинской пешком.

Волк Семен Алексеевич, все так же дыша в сторону, деликатно открыл дверь своим ключом и пропустил волка Петровну с уважением вперед как джентльмен.

Волк Петровна была отомщена.

МАННА

Однажды кондор Акоп ел манную кашу.

Мимо (по клюву) пробирался микроб Гришка Нептун, который давно не плавал в океане.

Гришка Нептун нырнул, но каша была горячая, и от неожиданности микроб мощно закричал «пожар», а пролетавший неподалеку комар Стасик немедленно набрал по телефону-автомату «01».

Приехали пожарные, жук-солдат Андреич во главе роты солдат, лесных клопов.

Лесные клопы стали заливать кашу холодной прудовой водой из рукава, кондор Акоп сидел над тарелкой разиня рот и ничего не мог понять, зато микроб Гришка Нептун наконец поплавал, только вода была мутноватая, везде болтались айсберги: манна, она и есть манна.

Кондор Акоп холодную кашу есть не стал, снялся и улетел, а солдаты-клопы стащили сапоги и тоже пошли купаться, чтобы каша не пропадала даром.

ПОПОЛНЕНИЕ

Гиена́ Зоя с головной болью пришла домой и сказала в семье буквально следующее: молодой ежик Витёк оскорбил ее, сказал «гони домой, кастрюля», и еще сказал, «бабушка, ты че, мышь белая, тормозишь тут, ты догоняешь, что я тебе всю репу порюхаю, безумно будешь сожалеть», что-то в таком плане.

Молодой сын Зои, гиена Дима, начал глухо ворчать (глаза красные) и спросил:

— Опять буром перла? Ты чего возникает? Че он тебе сделал?

— Он, — задыхаясь от слез, с рукой на сердце, объяснила гиена Зоя, — спички зажженные бросал где у нас парикмахерская, моли Нинке парикмахеру все некогда подобрать, тоже чудила хорошая, так он прямо в очески вжик, вжик.

— Ну и че, — сказал гиена Дима, — ты что назидалово всем лудишь? Ты слегка синяя, что ли?

— Пожар ведь у нас будет, — сказала гиена Зоя тонко, первым сопрано.

Остальные, собака Гуляш, гиены-дети и мать гиены Зои, старушка гиена Мехметовна, неловко молчали.

— Всюду ходишь, кишки наружу, — возбужденно сказал гиена Дима. — Как начистят тебе умывальник, тогда врубишься.

Молодой гиена Дима в этот момент выглядел ужасно: он и так не удался, видимо, пошел в Гуляшовых предков, какая-то помесь пуделя, но волос рос прямой, неровный и клоками, в бабушку Мехметовну.

Собака Гуляш внезапно лег и накрылся газетой.

Младшие сгрудились у телевизора, шла «Половая жизнь животных», университет миллионов.

— Он еще сказал, — звонко произнесла гиена Зоя, — что позвонит солнцевским ребятам, говорит, отпишешь им, бабуля, квартиру.

— О какой, — сказала бабушка гиена Мехметовна и зевнула, хлопнув лапой по зубам. — Он чей?

— Ежика Гарика сын и Стеллы Е. Да я к ним ходила, они удивились, говорят, наш сын таких и слов не знает, — сказала гиена Зоя, вся пятнистая от переживаний.

— Он в нашей школе учится, в седьмом классе, этот ежик Витька, — пролетела младшая, гиена Гаяне. — Двоечник.

— Двоечник? — сказала гиена Зоя. — Двоечник. Семиклассник.

Внезапно у нее отлегло от сердца.

— Да у солнцевских таких довесков шарят, — возбужденно прохрипел гиена Дима. — Позвонит он им.

Шерсть у него встала дыбом, как у настоящего пуделя.

— Как он мать защищает, — похвалила его бабушка гиена Мехметовна. — Пополнение растет.

Вся пятнистая, гиена Зоя прошла спокойно, взяла гитару и завыла «Я помню вальса звук прелестный».

Собака Гуляш дернулся под газетой.

Надвигалась ночь, пора было на репетицию хора гиен.

ОТА ДОЯ

Как-то раз пом. режиссера мышь Софа так зачиталась, что буквально не могла вздохнуть, сидела ночью одна на кухне над книгой, не замечая, как летит время.

Муж мышь Василий спал как убитый, дети во сне попискивали, дивная пора, время ночь, а мышь Софа читала и размышляла, мечтала, кстати, и улетала мыслью за горизонты, и все хотела побудить мужа мышь Василия поделиться с ним прочитанным.

Но в результате она прочла все сама, а когда муж мышь Василий встрепенулся, было уже поздно, занималось утро, Софа книгу уже кончила.

— Ну ты буквально проглатываешь эти книги, — заметил муж мышь Василий.

— Интересно же, — улыбнулась мышь Софа, — я иногда даже в конец забегала, чтобы узнать, чем кончится, а потом опять читала.

— Ну и чем там кончилось? — поинтересовался мышь Василий (он заснул, когда мышь Софа была в начале первой страницы).

— Я же конец-то раньше съела, — призналась мышь Софа. — Хотелось поскорей узнать в чем дело. Теперь и не вспомнить...

— А как хоть называлась-то книжка?

— Телефоны ота доя.

— Ота доя, — сказал муж мышь Василий. — Доя — это понятно. Доя кого-то. Доя какого-то Ота.

— От мужского рода, — возразила мышь Софа, широко зевая, — как ты себе это представляешь, доить Ота.

— А правда, — сказал мышь Василий. — Меня подоить невозможно.

— Телефоны козла доя! Надо же, концептуалисты голимые. А я думаю, чего это мне все как-то непонятно — ложась спать, воскликнула мышь Софа. — Кстати, козел Толик должен лететь на гастроли. Надо узнать номер рейса Париж — Дакар, пересадка в Ясной Холере. Справочная Акатуйфлота. Где телефонная книга?

Муж мышь Василий принялся шуршать бумажками и газетами.

Наконец он отвлекся от поисков и пискнул:

— Так ты же ее ночью съела!

Но мышь Софа уже сладко спала в опилках комода.

мышь софа и
мышь муж
Василий

СИЛА ИСКУССТВА

Когда стало известно, что леопард Эдуард готовит новую версию спектакля театра зверей «Чайка» (информация шла из его комода от мыши Софы, пом. режиссера), то к леопарду Эдуарду нагрянул участковый, мл. лейтенант медведь Володя, но беседа, однако, шла при запертом комодe, причем под звуки включенного на полную мощность Мендельсона (Горовиц-Нюся Мильман вокал), т.е. в две колонки, так что мышь Софа разобрала только какие-то отрывочные слова участкового Володи, что-то типа «сила искусства» и вроде то ли «абсолютизм», то ли «алкоголизм».

В результате окружающие выразились в том смысле, что мышь Софа не расслышала, таким образом вся ее информация, что называется, мимо тазика, т.е. медведь милиционер Володя таких слов как «искусство» или «абсолютизм» не употребляет, другой случай.

Но каково же было удивление публики, когда та же помреж мышь Софа вывесила распределение ролей, где был буквально следующий состав:

Аркадина — козел Толик.

Нина Заречная — волк Семен Алексеевич. (В роли дохлой чайки — кукушка Калерия, ну ладно).

Маша — собака Гуляш, это уже вообще полная чума.

Мало того, что Аркадина у них с бородой и рогатая, а Нина Заречная зубастая, хвост поленом, глазенки желтые, грива дыбом, хорошо.

Но собака Гуляш, что это за Маша, которая всю дорогу выкусывает блох у себя в паху? — спрашивало женское население.

Дурость одна.

Далее вообще шла полная неразбериха, потому что Тригорина, все-таки знаменитого писателя, должен был играть лягушка Самсон, а Треплева (!!) вообще улитка Герасим.

И как это улитка Герасим, спрашивается, (не говоря ни о чем другом) сможет тащить на себе одновременно и ружье, и дохлую кукушку Калерию в роли чайки, и бросить все это к ногам волка Семена Алексеевича (якобы Нины Заречной)?

И как пройдет сцена, когда козел этот Толик (Аркадина) будет говорить лягушке Самсону, что любит его и что он (Самсон) чудный и талантливый (в роли Тригорина, писателя)?

И как этот дубина козел Толик будет массировать самсоновы плечи, стоя у него, у лягушки, за спиной, как это любят делать все аркадины, ведь у данной Аркадиной, честно говоря, копыта!

Помнёт Самсона и чао.

Население волновалось, аншлаг был полный, что и требовалось доказать, ромашка Света, как всегда, посажена была в нулевую зону, в песок, и козел Толик играл Аркадину только для нее, лишь только для нее!

Бороду ему убрали под бант, шляпой накрыли рога, побрили до бледности, приклеили ресницы, что там! Навесили бюстгальтер, пояс с черными

чулками, дамские подмышники и подплечики, сумочку с тампексами, полный триумф, короче говоря.

Ромашка Света, однако, испугалась и ушла после первого действия, справедливо разглядев у Аркадиной хвост и копыта: слишком близко сидела.

Волк Семен Алексеевич оказался совершенно вылитой Ниной Заречной, и в том месте, где у него были слова, что он родил ребенка и про пьяных купцов, сам Семен Алексеевич так искренне взвыл, что женская часть публики взвыла в ответ и все ему простила, гиена Зоя, в частности.

Что же касается собаки Гуляша, который тоже должен был родить между первым и вторым действием и ходил весь в черном, в бюстгальтере, трико и сандалетах, то тут он сыграл неплохо, все время курил, но ему мешала многочисленная родня блохи Лукерьи, они все сидели на почетных местах на лбу Гуляша и некстати махали плакатами.

Но самое главное, в чем мышь Софа, как выяснилось, была права, это вот в чем: оказалось, что милиционер медведь Володя, да, таки возлагал на спектакль надежды, потому и был доволен, гулко хлопал и сказал леопарду Эдуарду, что сила искусства, самое дело, понял-нет, излечение алкоголизма, маргиналы, тыры-пыры.

Что и было немедленно опровергнуто, причем сразу после начала банкета, ибо иссушенные славой Аркадина, Заречная и Маша тут же хряпнули по стакану, и в результате всю ночь испуганный улитка Герасим полз по стволу своего ружья в сторону пруда, причем даже не снял грима и ехал с забинтованным черепом, только рога выпустил на волю: так много пережил (в роли Треплева).

Лягушка же Самсон после пребывания в шкуре писателя Тригорина — когда Аркадина-козел и Ни-

на Заречная (волк Семен Алексеевич) трепали его как хотели и даже шмякнули об сцену во взаимной борьбе за лягушку Тригорина — он только откашливался и лупал глазами, когда его забрала супруга, лягушка Женечка, и поволокла на спине в болото.

Сила искусства такова, что не все ее выносят.

После спектакля театра зверей «Чайка» кукушка Калерия, которая как раз и играла заглавную роль дохлой чайки (а во втором акте чучело дохлой чайки) — кукушка Калерия стала размышлять о том, кто она есть, и обратилась к знакомым с этим вопросом, т.е. хорошо ли она сыграла.

Все ее хвалили, медведь мл. лейтенант милиционер Володя даже простил ей некоторые выступления по радио, сказав, что (буквально) самое дело, тыры-пыры, театр как искусство, кать, чучело-пугало, мумия, кать, чайки, кать (так сказать — прим. переводч.), понял-нет, верю, кать.

Другие говорили (коза Машка, например, ревнивая до безумия), что Калерия в роли чучела не удержалась и задышала в конце второго акта, а это сценическая ложь.

Спасибо.

Трести, такие как гадюка Аленка, улыбались и отвечали, что все-таки это очень важно, что женские роли играют мужики, это ново, неожиданно, и когда козел играет тетку, все сразу заглядывают ей под юбку, это ново и неожиданно, особенно если козел без панталон!

А про игру кукушки Калерии — ни мур-мур, гадюка есть гадюка.

Далее, тетя Галя-леопард, конечно, восхищалась Калерией, сказав, что как это она, Калерия, в роли чучела почти ни разу не сморгнула, все следили затаив дыхание (кукушка Калерия это сделала, да, один раз, когда улитка Герасим волок ее через всю сцену по буеракам, и Калерии пришлось подсоблять и кое-где загребать ногами, сморгнула, да, а вы бы не сморгнули?!).

Что касается кондора Акопа, то он в конце первого акта преподнес кукушке Калерии дезодорант и веер, и хорошо, веером она прикрылась на поклонах, т.к. вся юбка была в шерсти Аркадиной (козел Толик), Калерия буквально подмела подолом сцену, волочась за этим Треплевым (улитка Герасим) полтора часа в конце первого акта, якобы это он ее нес (скорость 6 см/час) убитую, а на самом деле, если бы не мощная Калерия, этому Треплеву (улитке Герасиму) вообще бы не доползти было до Нины Заречной (волка Семена Алексеевича), шагал бы до утра, тем более еще и при ружье (ружье тоже тащила Калерия).

Но она так сыграла, что никто ни о чем не догадался, и портрет Треплева с рожками, забинтованного, с ружьем и Калерией, якобы сидящей верхом на этом Треплеве (у ней трагически полуопущенные глаза жертвы, обнаженная кисть ноги и неприкрытая грудь) — этот фотопортрет работы таракана Максимки был помещен в эротической газете «кукушководство» как иллюстрация позы «ямщик».

КНИЖКА

Однажды муж мыши Софы мышь Василий долго не мог заснуть, все читал на прощанье книжку.

Книжка была маленькая, но интересная, мышь Василий не мог оторваться, хотя мало что понимал: было много цифр.

Мышь Василий был не то что все мыши, не съедал страницу сразу же после прочтения, нет, он берег книгу как источник знаний, во-первых, во-вторых, он был сыт (кожаная перчатка леопарда Эдуарда), в третьих, чем кормить детей на завтрак, вечный вопрос.

По этим причинам мышь Василий читал не жуя, просто так, только иногда надломит особенно засаленную страничку, для вкусовых ощущений, и пошел читать дальше!

К утру очнулся леопард Эдуард, помолот кофе, врубил любимую Мендельсона (Эдди Рознер — Горовиц — Нюся Мильман вокал), вытащил из холодильника пирожное безе, придвинул к себе телефон — чпок!

А записной книжки-то нет, девчата!

(Телефонный справочник пропал еще три недели назад).

Долго бегал по дому леопард Эдуард, (скорость 170 км/час), ища книжку, а музыка гремела, и торжествующее контральто американской певицы Н. Мильман выводило заветные слова «Напевая идешь мимо окон моих».

Результатом было то, что мышь Софа досрочно реанимировалась в ночной рубашке, возникла на пороге заспанная, заткнув уши, и пропищала обычное «опять погнал свою телегу», имея в виду Мендельсона.

Дети уже давно не обращали на эту музыку никакого внимания, реагировали как глухие, крича только самое необходимое типа «а че он мне салазки гнет»: короче, и под музыку шла жизнь.

И только когда возникла пауза (Мендельсон, видимо, переворачивал ноты), леопард Эдуард в тишине уловил шелест и легкий треск, исходившие из комода.

Это мышь Софа откусила от книжки, взяла пробу чем кормить детей, нормальный ход.

Короче, леопард Эдуард с ревом изъял свою записную книжку, оставив всю семью мыши Софы без завтрака.

Особенно о происшедшем скорбел мышь Василий, который мог еще ночью срубить это блюдо, но потцовски сберег детям.

Никогда не откладывай на завтра то, что можешь съесть сегодня, таков основной закон, — задним умом понял мышь Василий.

Но не было еще случая, чтобы мышь Софа оставила своих без завтрака!

Мышь Софа была не таковская, еще новости, жить вне запасов, и дети подкрепились тем, что леопард Эдуард искал в результате весь оставшийся день.

Он нашел это только к вечеру и только часть, т.е. металлическую пряжку от пояса.

А недоеденную половину пояса мышь Софа заначила на ужин.

ДЯДЯ ВАНЯ

Прослышав о спектакле театра зверей «Чайка» (большой зрительский успех), в Акатуйской тайге (приводнение в р-не пруда) высадился чайка Джонатан Ливингстон, МА, п/о Амхерст до востребования.

Зарубежный актер, для переговоров, языка на бытовом уровне не знает, кроме ням-ням.

Леопард Эдуард принял чайку Д.Ливингстона, однако по причине языкового барьера чайка изъяснялся только путем жестов, оральных криков и при-топов.

При всем при этом он требовал даже за роль битой чайки платить ему в зеленых.

Хорошо, долго искали зеленые, нашли еловые шишки добрачной (закрытой) стадии, затем обнаружили зеленые помидоры в рассоле made in козлова бабушка Маланья, Melani LTD.

И, наконец, вскрыли банку зеленого горошка, из которой брали счетом, десять зеленых, двадцать зеленых и надеялись таким ходом дойти до ста, но чайка Джонатан, бессмысленно повторяя, «кы, кы», съел полную банку зеленого горошка, не дав сосчи-

тать, и выпил половину трехлитрового баллона помидор, а от шишек его организм отрекся, несмотря на бутылочку гнилуши.

Шишки отволокли обратно в тайгу и сидели вокруг чайки Джонатана Ливингстона, слушая его «кы» без переводчика.

На закуску чайка Джоня хотел зацепить вилкой моллюска Адриана, члена худсовета театра зверей, приняв его за угощение, но моллюск молниеносно среагировал, задраил люк, выключил кингстоны, зафаловал якоря, даром что пацифист.

Затем прибежала кукушка Калерия, переводчица, извинилась за опоздание, вытерла мокрый хвост под столом скатертью и выслушала чайку, после чего сказала, что господин Джонатан Ливингстон под словом «зеленые» имеет в виду именно «зеленых», т.е. движение за экологию «Гринпис», т. наз. зеленый покой, зеленое благоденствие, сто «зеленых», сто моллюсков, видали?

Моллюск Адриан сидел у себя взаперти красный и взволнованный, пока торговались, речь шла о судьбе целого движения, но свой люк не отчинял, а все время держал телефонную связь с оргкомитетом.

Леопард Эдуард в результате взял чайку подмышку с невыясненной целью, и Джонатан Ливингстон, хотя и птица высокого полета, потерял самообладание и сказал без малейшего акцента «отпусти, начальник», и дело кончилось на том, что карп дядя Сережа признал в нем своего соседа чайку дядю Ваню, с которым он не раз расписывал пульку, причем дело доходило до курьезов и рукоприкладства.

И чайка дядя Ваня под мышкой у леопарда Эдуарда перестал валять ваньку, оказалось, что он

так называемая «биллингва», все по-нашему фурычит.

Леопард Эдуард ослабил захват, а зеленое движение провело симпозиум на тему «Пацифизм как боевое единоборство».

НА СВОБОДЕ

Муха Домна Ивановна однажды долго искала иголку, чтобы пришить пуговицу, не нашла и помчалась буквально без лифчика (держа его в руке) к ежу Гарри, вернее, к его жене Стелле Е.

Где засиделась, болтая соло, т.к. еж Стелла Е. закручивала рыжики и говорила только все время «фук-фук», якобы дую на горячее.

Пока не явился еж Гарри в халате на голое тело, с трубкой в зубах, и не вступил в беседу.

Речь шла о том, что ежа Гарри не взяли играть в спектакль театра зверей «Чайка», где он был бы очень хорош хотя бы в роли чайки, кукушка Калерия играла слишком натуралистично, птица птицу (тут муха Домна Ивановна схаркнула на пол и утерлась лифчиком, который еще держала в руке, все одно он без пуговицы).

На этом месте ежик Стелла Е. порылась подмышкой и нашла лишнюю иголку, достала ее, и муха Домна Ивановна, делать нечего, помчалась дальше по своим женским делам, оставив ежика Стеллу Е. мыть пол.

А женские дела были такие, что Домна Ивановна полетела просить теперь пуговицу к леопарду тете

Гале, но там мухе Домне Ивановне дверь не открыли, звонила-звонила, а окна были под марлей, и Домна Ивановна опять схаркнула в лифчик да и выкинула его, так свободней, некоторым он нужен, но другие и так бегают, на свободе.

КУКУШКА КАМЕРИЯ КМ

Чайка Джонатан Ливингстон, натурализованный эмигрант дядя Ваня, улетал в страну постоянного проживания с берега пруда.

Проводить пришла кукушка Калерия с кое-какими детьми от второго—пятнадцатого браков, затем кондор Акоп с дочерью кондором Татусей Акоповной, которая при виде матери кукушки Калерии внутренне зажалась и начала активно выдувать пузырь из смолы импортного дерева анчар.

Затем еще приполз лягушка Самсон на предмет передачи письма вон за тот бугор иноподданной лягушке породы Пипа (Пипка уменьшительно).

Впрочем, у каждого тут был свой интерес; кондор Акоп интриговал, кстати, насчет университетского образования для кондора (кукундора) Татуси Акоповны, кукушка же Калерия прихилила просто так, на халяву.

Однако события повернулись неожиданным боком: Калерия налопалась гнилушовки, затащила любимую «Хильду», взяла гитару, повела плечом, дети по привычке шарахнулись в стороны, и в образовавшемся кругу кукушка Калерия исполнила первый вальс Наташи Ростовской ля диз мажор.

Причем Калерия работала и плечом и грудью, а хвост был в пассиве, подметал окрестности.

В результате чайка дядя Ваня решил аннулировать «О'кеу», т.е. продать авиабилет и на вырученную сумму снять видеофильм о национальном богатстве акатуйцев («Образы баб»), который потом засандачить на МКФ (кинофестиваль) в Руанда-Бурунди или в портовые районы г. Эль-Ваджха с расчетом на премию по разряду «Дебют» или в жанре «Эротические этюды», т.к. Калерия работала без костюма.

Обалдеть кто понимает.

Однако подваливший дополнительно народ, все как один с посылками, накачал неосмотрительного эмигранта гнилушовкой поверх барьеров (т.е. вышли на уровень ушных ямочек), и чайка Ванька, ничего уже не узнавая вокруг, проскочил паспортный контроль, вышел на взлетную полосу, мигнул, дернул пятой и смылся.

При этом рюкзак с посылками и письмами он из-за перевеса оставил на берегу пруда всем желающим.

Результатом было то, что каждый брал что хотел, и письмо, адресованное лягушке Пипе, взял еж Гарик, а лягушке Самсону удалось вернуть обратно только сувенирный пень с наложением россыпи жемчужин (воспоминание о волшебном вечере в ресторане и баночке икры, которую лягушка Пипа принесла с собой в сумке, а Самсон сделал с этой икрой все что пожелал...)

Что касается ежа Гарри, то письмо, начинающееся словами «Пипись, где ты», он бережет в кармашке-пистончике и достает только в особых случаях.

ЭРОТИКА КАК ПРАКТИКА

Как-то раз ежик Гарик (впереди) и его жена еж Стелла Е. (как на веревке позади и нехотя) отправились на просмотр эротического фильма «Ежики в тумане» (ремейк западного производства г. Стамбул).

Стелле Е. фильм активно не подошел, она фукала-фукала и наконец свернулась в клубок, прикрывшись фуражкой мужа дополнительно, чтобы не слышать звукоряда.

Что касается самого ежа Гарри, то ему все понравилось, и групповуха с мотыльками, и красotka Сова, и сеанс с лошадьё, и нос к носу с собакой, и в особенности на рыбе большого параметра, рыба внизу, на ней еж вверх ногами, новая поза, и затем ночь с медведем.

Самое жгучее обстоятельство было то, что все ежи в фильме ходили налысо (обнаженная натура), и ежик Гарик на обратном пути горячо обратился к жене с предложением ее побрить.

Еж Стелла Е. даже не стала возмущаться, а послала его сделать это самому («иди ТЫ»), и он покотился наутро в парикмахерскую к моли Нине,

но парикмахерша моль даже не стала его записывать на очередь, а задумчиво сказала «вам позвонят».

При том, что у ежа Гарри отродясь не было телефона, он понял, что надо действовать самому, и приобрел в зоомагазине садовый инструмент типа секатор на стальной пружине, а затем уединился с ним в сарае.

Когда он приполз в родной дом лысый, жена Стелла Е. молча замахнулась на него полотенцем, но Гарик не стушевался и отважно протянул ей секатор, и тут она отступила в слезах.

Но Гарик все же попросил ее удалить у него из-под кожи оставшиеся там пеньки и окомелки, а также иглу с недосягаемых мест.

Стелла Е. выполнила волю мужа, применив, в свою очередь, плоскогубцы типа «китайская казнь», но Гарик остался в целом доволен и шеголеватой походкой стриптизера отправился не куда-нибудь, а к дому овцы Риммы (выходи полюбоваться, ты, стилига!).

Однако он туда не дошел, поскольку им в его новом виде активно заинтересовался внезапно проснувшийся сова Егор, дирижер-эмигрант шестой волны, он сделал большие глаза и начал кружить, снижаясь.

Затем в поле зрения ежа Гарри возникла собака Гуляш (прибежал издалека, повизгивая и крутя носом, слюна вожжой) и, наконец, медведь участковый Володя: длинно свистнув, он выломал новую дубинку и стронулся с несгораемого шкафа, который охранял.

Вроде участники были те же, что и в эротическом фильме, но голый еж Гарри похилал скорей домой, это вам не съемки, и там залез под одеяло,

размышляя о странной ситуации: намылишься, нахолишься, духами обольешься, выйдешь на улицу красивый-красивый, и на тебе, бабы ни одна не встrepенулась, а мужской контингент налицо, чего-то хотят.

Того и гляди, счавкают!

Зачем было тогда бриться, елки.

Эротика не всегда себя оправдывает на практике.

Тук - солдат (олдмер + Макшкарис

В гости к молодой семье таракану Максимке-младшему и его гражданской (морганатической) жене, подростку жуку-солдату Солджер, т.е. к своей дочке, пришли жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой.

С ними была и жук-солдат тетя Лида.

Говорить долго, а дело нехитрое.

(Ехали мимо на «мерсе», решили заглянуть, свадьбы-то не было).

Придя в гости, родня опешила, не ожидая такого приема: прямо на них зять Максимка-фис пер четыре кошелки пустой посуды из-под вина, в каждой руке по кошелке.

Причем посуда была битая!

Вот как молодежь умудряется, непонятно.

Когда он прошел мимо, родня заметила за его спиной еще рюкзак «Ермак», полный того же самого.

Увидев тещу с тестем и тетю Лиду с бидоном гнилухи, таракан Максимка-фис улыбнулся в усы и протырился за дверь без слов, а его жена обернулась на шум и сказала:

— Чао, шнурки!

Дочка эта по прозвищу Солджер (для родных Саша) лежала на подоконнике, держа перед собой

еще ящик пустой посуды, одни окомелки, горла да донья.

Как только ее муж крикнул что-то со двора, жук-солдат Сашенька размахнулась ящиком и шарахнула его вниз.

Жук-солдат тетя Лида аж присела в момент приземления ящика.

— Как ты, доца, жить собираешься дальше? — спросил отец, все еще ожидая приглашения войти.

Жук Сашенька лежала на подоконнике, наблюдая за мужем, и махала ему в четыре руки.

Родные огляделись.

Мать жук Верка стояла и плакала в усы.

Долго ведь не виделись, дочь, как сошлась с этим тараканом Максимкой, так и не приходила домой, как отрезало.

— Давай приберуся у тебе, — сказала жук-солдат тетя Лида и поставила бидон в колени.

— А мы и прибрались, — резко ответила жук Сашенька, — бутылки вынесли.

— Мы видели, каки бутылки все покоцанные, — откликнулся горько отец.

— А че, — спросила Солджер. — Че.

— Посуду не выкидают, посуду сдают! — не выдержала жук-солдат тетя Лида. — Бестолка!

— Посуду сдают и на это обратно покупают, — по-доброму пожурил Сашу brave жук-солдат Андрейч. — Учить вас!

— Че мы, не знаем, — ответила его дочь, шевеля усами, — а если у нас вчера ребята были и стол опрокинули!

Родня ахнула.

— Че здесь было! — продолжала жук-солдат Солджер. — По колено!

— Пей не хочу, — прошептала мать.

— Нагинались и пили, — подтвердила жук Саша. — Были ребята знакомые, лесные клопы, дембеля из пожарки, они воще плавали кверху дном, не в силах были перепрокинуться.

— Не в силах, — эхом откликнулась мать, жук-солдат Верка.

— Ну что, выпьем за молодых, они еще себя оправдают! — сказал жук-солдат Андреич бодро.

— А кто и сидя пил, — продолжала жук-солдат Солджер. — Максимка греб. Мы сидели в тазике.

— А что пили-то? — с завистью спросил Андреич.

— Че, как всегда, «Чинзано».

Однажды козел Толик, лежа на раскладушке в огороде, играл с мухой Домной Ивановной в бадминтон, причем он махал лопухом, а муха Домна Ивановна стояла на подаче.

Муху Домну Ивановну беспокоил недопитый козлом Толиком графин с сивушными маслами, стоящий у козла под локтем на траве.

Козел Толик лежал, никого не трогал, полграфина уже растеклось у него по организму, вселяя в Толика приятные сомнения, сейчас уговорить вторые полграфина или пойти на испытание силы воли и принять где-то минут через десять-двадцать.

Козел Толик понимал разумом, что если не выпить, то а) может произойти синдром абстиненции, т.е. пересохнет в горле; и б) может нектати прийти волк Семен Алексеевич с собакой Гуляшом, тогда пиши пропало.

Но мысль о господстве силы воли (козел ты или тварь дрожащая) вдохновила козла Толика на воздержание.

Он воздерживался три минуты, в результате чего прилетела муха Домна Ивановна и стала виться над губами козла Толика, неизвестно с какого подпрыга возбужденная.

При том, что козел Толик только слегка дунул на нее, муха подала сигнал «Воздушная тревога» — так поступают все женщины. Козлу Толику стало неудобно перед соседкой, и он сделал вид, что это просто продолжается партия в бадминтон, т.е. стал вяло отбивать подачи лопухом, и что же?

Буквально на второй минуте игры козел Толик при участии правого локтя опрокинул графинчик прямо на свежий покос (положение тайм-аут).

Муха Домна Ивановна тут же включила сирену «свистать всех наверх», и ее дети стали прибывать эскадрильями.

Козел Толик прямо заплакал, потерял лицо и с высоты раскладушки стал обсасывать стерню, т.е. жнивьё, просто глодал окомелки листьев травы, что и говорить.

При таком раскладе раскладушка вильнула, наклонилась и с размаху прихлопнула козла Толика по рогам.

И Толику пришлось впитать в себя живительную влагу лицевой стороной телогрейки, накрывшись раскладушкой как полковым знаменем.

При этом Домна Ивановна тоже не растерялась и уже лежала на обратной стороне раскладушки как сивуч на льдине (задние ноги вразнос), причем окруженная семьей детей, и обсасывала передние ступни (свои — прим. мухи Д.И.).

ПОРЯДОК

Как-то раз плотва Клава плыла стилем (так было задумано) и задела лягушку Женечку, которая как раз набирала мужу на кофточку, держа его по привычке на закорках.

Задача лягушки Женечки была заставить лягушку мужа Самсона выбрать цвет материала.

Лягушка Самсон молчал как бессловесная тварь и ничего не выдал, о каком цвете он мечтает: обычная мужская нерешительность!

Тут как раз и подоспела плотва Клава и толкнула лягушку Женечку в самый ответственный момент, и лягушка Женечка от неожиданности выронила мужа Самсона с закорок.

Лягушка Самсон и тут-таки промолчал, пока Женечка поднимала его, громко причитая.

Плотва Клава помогла восстановить, как она позже выразилась, «статус кво», т.е. порядок в семье, поддержала лягушку Самсона за ласту, но лягушка Самсон, взобравшись на спину Женечки, ни словечком не откликнулся, только положил голову поудобней на плечо супруги и щелкнул бичом раз и два.

ДИАГНОЗ

Однажды несовершеннолетняя амеба Ра (кличка Му) долго выла, прежде чем купить себе новые сандалии: не было денег.

И ее сестра-близнец амеба Хиль (Му) повела несчастную к невропатологу.

Врач, ветфельдшер кондор Акоп на все вопросы получил только один ответ, «Му», и в результате поставил диагноз «свинка».

Ему видней было.

То ли внешний вид больной сыграл свою зловещую роль.

Действительно, от переживаний и сомнений амебу Ра разнесло во все стороны, щеки было видать со спины, с подростками и не то бывает.

Однако амеба Ра, идя обратно с этим диагнозом, все-таки купила себе сандалии какие хотела (моллюски «Гринписа» дали займы), и уже в процессе примерки перестала выть, так что визит к доктору себя оправдал: обратно домой амеба Ра вернулась в немом восторге от покупки.

ДОЛГОЛЕТИЕ

Однажды кукушка Калерия провела идиотскую неделю, ухаживая за больным воробьем Гусейном у себя на дому; варила ему кашку, кормила, глупо приговаривая: «этому дала, этому дала» и т.д.

На что в ответ Гусейн звонил моли Нине и объявлял о своих намерениях немедленно к ней переехать.

Но моль Нина, судя по крикам Гусейна, отвечала «не туда попали», и Гусейн начинал все сначала.

Калерия выдержала семь дней таких угроз, а на восьмой все кончилось, т. к. Гусейн действительно съехал со своим чемоданчиком, оставив Калерию в глупом положении, а у моли Нины стоял уже автоответчик со стандартным «куда вы звоните, товарищ».

Но кукушка Калерия, как гласит история, тоже не осталась в своем опустевшем гнезде и немедленно поселилась у таракана Максимки в жуткой тесноте, жена Максимки, отзывчивая таракан Сильва, не возражала и даже не пикнула, когда кукушка Калерия устроила у нее в доме заочную свадьбу с чайкой дядей Ваней, который прислал Калерии с того берега пруда недвусмысленное признание в любви, т.е. майку с надписью «Лав ми ду».

На свадьбу слетелись все, даже кукушонок Шурка, у которого ломался голос.

Гвалт стоял невообразимый, вся свадьба перепилась и куковала на разные голоса, особенно рявкал кукушонок Шурка.

Хозяева, тараканы, заложив уши ватой, спрятались в ванной, таракан Сильва прижимала к себе младших, сидя неглубоко в отверстии для слива воды, но попутно все-таки считала «ку-ку» и досчитала в результате до немислимых двух тысяч.

Невероятная продолжительность жизни, скажете вы, но таракан Сильва, лежа с малышами в отверстии для слива воды, верила Калерии и тут же, с заткнутыми ушами, соображала как распорядиться всеми этими веками, и все-таки выходило маловато.

И даже когда кто-то из гостей стал мыться с мылом, таракан Сильва не испугалась: столько лет впереди!

ОТЕЛЛО

Однажды блоха Марианна приревновала своего радикулитного мужа блоху Валерика к пожилому клещу тете Оксане.

Как известно, ревность не знает возрастных преград, как и любовь.

А дело было как раз после отпуска, который блоха Марианна, пожертвовав собой, проводила с двадцатью пятью младшими на садовом участке в поселке «Верхние Лопатки», причем одна.

С одной стороны, мужа надо всегда держать при себе, а с другой стороны, на него надо готовить, стирать с него и т.д. и выслушивать попреки и капризы: спасибо.

У каждого дела две стороны — удобная и неудобная.

Марианна с детьми ускакала.

Валерик остался дома, в микрорайоне «Верхнеебутово».

Разумеется, об отдыхе не могло быть и речи, район «В. Лопатки» был сейсмически неполноценный, ибо собака Гуляш чесалась как офонарелая, впрочем, не доставая до верхней части лопаток.

Надо было беречь детей и заниматься с ними профилактикой, прыжки в длину, в ширину и ходом коня (скачок «тройной укус»).

После всех этих дел Марианна, похудевшая и загорелая, как Грейс Джонс, черная секс-символ, но гораздо более нервная (дети, только отвернись, делают т. наз. «общий фонтан» и уходят из поля зрения) — наша блоха Марианна приехала и увидела, что муж блоха Валерик выглядит отдохнувшим, энергичным и под глазами следы борща.

Мало того, ползает Валерик гораздо активней: аж подпрыгнул на руках, увидев всю семью с тележками.

После большого скандала блоха Валерик, держась за скулу, объяснил все дело так:

— Клещ этот тетя Оксана пристала, чтобы я попробовал борща, все равно выливать, сказала. Ну соседи же, — бормотал он.

Блоха Марианна плакала, всю ночь не спала и лежала план уехать обратно на Верхние Лопатки, но бытовуха ее засосала.

Тем более что блоха муж Валерик снова жутко охромел.

Приходится буквально подавать ему в постель.

Так что все утряслось.

КОКОШНИК

Жаворонок Милочка поступила работать в ресторан гейшей, т.е. порхала между столиками, исполняя мелодии на варгане (ушной вариант).

Но, как это часто бывает, во время очередного танца жаворонок Милочка потеряла кокошник и тут же, не тратя времени, пошла рыться впотьмах под столиками, ища головной убор среди обуви посетителей.

Положение исправил олень Фердинанд, который уперся рогом и сдвинул разом все столики к оркестровой яме, а частично и дальше.

Милочка, вся в слезах, с болтающимся в ухе инструментом, подхватила кокошник с полу, а клиенты к тому времени прекрасно устроились в оркестровой яме, три сестры уже подняли снизу заздравный тост (гадюка Аленка, крыса Надежда Пасюк и росомаха Жанна), а червь Феофан, которому и всегда было все равно, лежал в углу и плакал, слушая баяниста слепца крота Николая, который после всего тарарама как ни в чем не бывало исполнил «Марш Радецкого».

Что касается жаворонка Милочки, то она в кокошнике из перьев (верхняя одежда) и в босоножках (нижняя одежда) танцевала под это дело танго цветов, вызывая оленя Фердинанда на белый танец.

ОГРАБЛЕНИЕ ВЕКА

Молодой ежик Витек (сын ежа Стеллы Е. и плейбоя ежа Гарри) где-то надыбал и принес не куда-нибудь, а домой пухлую пачку US долларов.

Так сказать, \$.

Когда родители пришли из овощного магазина недовольные (Стелла Е. ценами, а плейбой еж Гарик тем, что его оторвали от телевизора), их ждал подарок — US доллары лежали кучей на столе.

Еж Гарри почувствовал, что вот-вот сорвется.

— Этта шта? — спросил он известным дома голосом.

— Это баксы зеленые, ослеп батя, — ответил ежик Витек, активно жуя жвачку.

Затем он глупо хихикнул.

Еж Гарри сел к столу, игла дыбом.

— Вернешь где взял! — громыхнул он.

Ежик Витек, чавкая, ухмылялся.

— Ну ты посмотри на своего пащенка! — завопил еж Гарик жене, — да я его своими руками в милицию сдам!

И добавил горестно:

— Дурака кусок!

— Ну бандит, ну бандит, — заплакала еж Стелла Е.

Эмиль Бутёк

— Ну вы че, черепа, — возмутился ежик Витек и даже жевать перестал. — Фильтруйте базар-то (т.е. выбирайте выражения), — сказал он и снова зачавкал.

— Видала? — кивнул на сына ежик Гарри-плейбой. — Это ты с ним все утю-тю, утю-тю! Мафиози сраное.

Наступила гнетущая пауза.

— Где взял? — наконец спросил отец.

— Да там... — Ежик Витек ткнул в сторону двери черным ногтем. — Около универсама.

— Где-где? — иронически сказал отец.

— Там под машиной лежало... Машина отъехала, мерседес, а там лежит... Все брали, и я взял...

— Все? — напрягся еж Гарри.

— Свинья тетя Алла... Волк Петровна... Баран дядя Валя... Дядя Толик козел... Иринка козленок из нашего класса... Козлова бабушка Маланья... Да все!

— И всем хватило, — едко прищурился еж Гарри.

— Там еще осталось, — простодушно жуя, отвечал сын, — лежит, но грязное.

— Ограбили банк, — жажнул по столу батя. — Вот вам мусор младший лейтенант медведь Володя-то втюрит!

Еж Гарик поймал себя на том, что говорит точь-в-точь как его родной папаня акатуйский докер еж Тарас Кирибеевич.

Еж Стелла Е. придвинулась к столу и стала считать баксы, насчитала сто штук и, вытаращившись, сказала:

— Десять тысяч.

В доме воцарилась тишина, только ежик Витек надул пузырь, который лопнул и облепил ему все рыло.

Вздрогнув от треска, отец сказал брезгливо:

— А шо такие хавняные? Тые доллары?

— Эээ... На них из машины натекло, масло, что ли...

— Не примут такие, — заботливо сказала Стелла Е. и подправила пачку поровнее.

— Ага, — ответил ежик Витек, обирая с морды жвачку, — не примут.

— Этга еще почему?! — зыкнул отец. — Полагается любые брать в пунктах обмена, а то лицензии лишают!

— Да не, не примут, — сказал Витек, занятый жвачкой. — Тут у них Вашингтон плохо пропечатался... Краска потекла, что ли... Может, ксерокс у них неклево ксерит... Всю зелень смыло... Или из машины накапало.

Еж Гарри плюнул, сел в кресло перед теликом, взял на изготовку пульт управления, нажал на ряд кнопок, запустил в ноздрю любимый мизинец и расслабился.

Загремело, заискрило в ящике.

— На мороженое хрен получишь, — напоследок сказал отец.

Еж Стелла Е., вздохнув, принялась мыть морковку.

А ежик Витек заныл:

— А че я сделал... Все брали, и я взял...

ЯПОНСКИЙ ТЕАТР НО

Волк Семен Алексеевич как-то раз, беседуя с козлом Толиком, набрел на мысль (собака Гуляш тоже присутствовал), а не создать ли творческий союз.

Сказано-сделано, в результате список членов был такой:

Волк Семен Алексеевич

Козел Анатолий

Собака Гуляш-Гиенин (псевдоним).

Гиена Зоя Шакалова

Это исполком.

Волк Семен Алексеевич президент.

Далее шел кадровый состав:

Волк Семен Алексеевич (координатор)

Козел Анатолий (информация)

Собака Гиенин (сектор по связям)

Гиена Зоя (женщины)

Потом разбежались по комиссиям:

Волк Семен Алексеевич (гранты, премии, командировки на ту сторону пруда, зарубежные симпозиумы, спонсоры, презентации, издательства, банки, мировые права, работа с молодежью).

Козел Анатолий (дома творчества, гостиницы, рестораны, гаражи, рынок автомобилей, шоп-туры за опытом).

Собака Гуляш-Г. (жилищный сектор, строительство дома на набережной, гонорарный стол, помощь беженцам из Америки).

Гиена Зоя (то же самое плюс женский вопрос)

Затем пополнили список так:

Волк Семен Алексеевич это президиум

Козел Анатолий это председатель счетной комиссии

Гиена Зоя стенограммы

Собака Гуляш-Гиенин это кворум

Потому что надо же вести собрания.

Тут же собака Гуляш проголосовал по команде «Лапу!»

Козел Толик посчитал.

Волк Семен Алексеевич объявил результаты голосования фальсифицированными, как это: один за, три воздержались.

При том, что голосует один Гуляш.

Удалились на совещание, потом обед (волк Петровна с козой Машкой и гиеной Зоей принесли на подносах под салфетками).

Потом было присуждение волку Семену Алексеевичу премии «Золотая рота» за военную тематику песен цикла «Я Хильду-ду-ду», (а гиене Зое за исполнительское мастерство приз зрительских симпатий «Глубокая глотка»).

Причем 2 голоса «за», козел Толик воздержался.

Затем присуждение козлу Анатолию премии «Улыбка» за всегдашнее выражение лица (2 голоса «за», собака Гуляш воздержался).

И, наконец, присвоение собаке Гуляшу-Гиенину звания старшины просто так, за проявление мужества при усыновлении предыдущих поколений детей гиены Зои (2 голоса «за», Гуляш «против»).

Что же касается женского населения, то гиена Зоя за чашкой кофе (творческий союз отошел в кусты покурить) быстро сбавала феминистическую инициативную группу под названием «Женская инокомиссия»: вопросы стипендий за рубеж, прием подруг оттуда, участие в постоянно действующем фестивале «Женщина-творец» (город Нассау), затем требуются швей-мотористки, дерматолог по удалению волоса, далее набор в дамский кружок «Пластическая драма» и в клуб по интересам «Як быть коханой. Вопросы суицида».

Далее: Комитете «Верность» (председатель волк Петровна, секретарь неожиданно прискакавшая блоха Марианна).

Что касается козы Машки, которая с тревогой поглядывала на вымя, боясь пропустить очередное кормление, то ей тут же присудили почетное звание «Мисс Бюст» — сразу же и гиена Зоя получила «Мисс Глаз», а волк Петровна «Мисс Осеннее очарование».

Блохе Марианне же дали утешительный приз, уют.

Т.е. полная свобода выбора.

Что касается творческого союза, то, придя с перекура, козел Толик так обосновал решение счетной комиссии (напомним, 1 «за», 3 воздержались): собака Гуляш одну лапу поднял, а остальными лапами не голосовал вообще.

Волк Семен Алексеевич такое решение одобрил и поставил на голосование, и тут уже собака Гуляш проголосовал 4 «за», т.е. внезапно опрокинулся на спину, выделывая ногами разнообразные движения — а это просто блоха Лукерья, хозяйка Гуляша, взбудораженная бурной общественной ситуацией, провозгласила здравицу, и все блохи дружно наце-

дили по чарке, а Гуляш стал, извиваясь, массируванно чесать спину.

Блохи забегали, запаниковали, блоха Марианна тут же вышла из женского движения и бросилась с утюгом домой, на Гуляша, спасти имущество от мародеров.

Немедленно волк Петровна тоже делегировалась вон из инокомиссии, возмущенная до глубины души некоторыми формулировками (почему это ей дали «Осеннее очарование», а у гиены Зои оказался титул «Мисс Глаз», гиена Зоя много об себе понимает, заявила «Осеннее очарование», потому что когда волк Петровна перешла в старшую группу детсадика, то там она подружилась с правнучкой гиены Зои, Анджелой).

И волк Петровна ушла, а козы Машки давно уже не было.

В этот момент блоха Марианна загнала детишек в отстойник на лбу собаки Гуляша, а мужа, радикалитного блоху Валерика, потащила на себе, что же касается блохи Валерика, то он, в свою очередь, не мог оставить на произвол судьбы и потянул волоком свою коллекцию шпингалетов, так что собака Гуляш стал просто кататься в пыли, молотя ногами в воздухе.

Волк Семен Алексеевич запросил результаты у счетной комиссии на табло высветилось 1236 «за», после чего Гуляш с сумасшедшим блеском в глазах побежал и бросился в пруд (блохи надели маски для подводной охоты, как обычно).

И от всего мероприятия остался только волк Семен Алексеевич с лауреатским значком на лацкане, козел Толик с орденом Улыбки и гиена Зоя с медалью, заседание продолжалось.

А в пруду, всполошенный прыжком Гуляша, забеспокоился карп дядя Сережа, который высунулся, понял ситуацию и стал плавать взад-вперед, тоже гремя медалями, среди которых выделялся знак «Японский театр Но», вернее, карп дядя Сережа его выделил, пришпилив на нижнюю губу.

СЕКОНД ХЭНД

Гадюка Аленка устроила междусобойчик на берегу пруда, специально пригласила лягушку Женечку с мужем лягушкой Самсоном, а также жабу Любу, была не была.

То есть получился настоящий девичник, лягушка Самсон не в счет, он молчал непонятно на какую тему, хотя пил наравне.

Темой разговора был секонд хэнд.

Жаба Люба, например, не верила, что это секонд хэнд (вторые руки) и называла его попросту «двадцатый хэнд».

— Прихожу, мама! Народ от Версаче, а я из тридцать второго хэнда. Вся из себя распрекрасница. Сижу на коленях у Гришки микроба, у Гришки Тусовщика. Говорю ему, а вот рукам воли не давай.

Гадюка Аленка, однако, ввернула:

— А я только что купила в секонд хэнде себе новую кожу.

И она показала ее на себе.

— Ношеное, — заявила жаба Люба.

— Неношеное, ты че! — ответила гадюка Аленка.

— Недоношенное, — примирительно сказала лягушка Женечка, поправляя на спине жующего мужа лягушку Самсона.

Гадюка Аленка разинула пасть и показала свои новые зубы.

Затем объяснила ситуацию:

— Стою под душем и одновременно чищу зубы, опаздываю. Чищу зубы, раз! Зубы передние падают и прямо в слив! И с концами. Если бы я чистила над умывальником, там есть внизу такая муфточка... Не знаю. Сифончик? Его можно разобрать.

Лягушка Самсон молчал как нанятой.

— Сколько стоили зубы? — спросила жаба Люба.

Гадюка Аленка сказала.

Народ захохотал.

Самсон подпрыгнул на спине у лягушки Женечки и завозился, поудобней устраиваясь.

Жаба Люба медленно промолвила:

— А я мужа прогнала.

— У тебя разве муж? — засмеялась гадюка Аленка.

— И теперь я одна, — выразительно сказала жаба Люба, глядя почему-то за спину лягушке Женечке.

— Ты не одна одна, — ответила ей гадюка Аленка и выпила водки с соком.

— И как же ты теперь? — заботливо спросила лягушка Женечка, вытирая вслепую мужу рот салфеткой, руку завела вверх и за спину.

Самсону салфетка попала в глаз, он недовольно сказал:

— Ква.

— То ли Самсона полюбить, — особенным голосом проговорила жаба Люба.

— Ну, — поддержала ее гадюка Аленка, наливая себе аптечной настойки «кора дуба».

Жаба Люба продолжала:

— Он ведь таких нету больше на белом свете. Умнейший. Глаза как бы светятся. Загадочный!

Лягушка Самсон медленно моргнул.

— Люблю молчаливых, — сказала жаба Люба.

Лягушка Самсон вывалил язык и съел пирожное.
— Нежный, деликатный, но и твердый как камень! — настаивала на своем жаба Люба. — Песню о нем хотите спою?

Лягушка Женечка озабоченно посмотрела на часики и сказала:

— Ой, боюсь, девочки, нам пора. Хорошо что вы напомнили про песню. К нам должен сейчас прийти настройщик.

— А что у вас? — спросила жаба Люба.

— Да буркалы пикколо. Фа диз бекар не строят. Котлы не кипят.

И лягушка Женечка поскакала вон.

Лягушка Самсон подпрыгивал, сидя у нее на плече как кот на заборе.

— Вот бедная она, — заметила жаба Люба, закури-вая пахитоску. — Так с ним носится, а он — он у меня под окном все ночи бубонит, Люба моя, Люба. Надоел. Жаба моя, жаба.

Гадюка Аленка сказала:

— Это все секунд хэнд.

— Ой, да ну, — ответила на это жаба Люба и запахнула на себе кимоно второго дана.

■

СПИСОК
ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ
«ДИКИХ ЖИВОТНЫХ СКАЗОК»

■

КЛОП МСТИСЛАВ
ТАРАКАН МАКСИМКА
ЛЕОПАРД ЭДУАРД
ПАУК АФАНАСИЙ
КУКУШКА КАЛЕРИЯ
МОЛЬ НИНА
КОМАР СТАСИК
СВИНЬЯ АЛЛА
ПЛОТВА КЛАВА
ЧЕРВЬ ФЕОФАН
ГАДЮКА АЛЕНКА
МУРАВЕЙ ПАСТУХ ЛЕНЬКА
ГИЕНА ЗОЯ
СУСЛИК СИЛАНТИЙ
ТУШКАН ЖОРА
СТАДО ТЛЕЙ
РОМАШКА СВЕТА
БАРАН ВАЛЕНТИН
МОЛЛЮСК АДРИАН
КОМАР ТОМКА
КОНДОР АКОП
ГУСЕНИЦА НИКОЛАВНА
КУКУШОНОК ШУРКА
ПЧЕЛА ЛЕЛЯ

СОБАКА ГУЛЯШ
ЖУК-СОЛДАТ АНДРЕИЧ
С ЖЕНОЙ ВЕРКОЙ
БЛОХА ЛУКЕРЬЯ
БЛОХА МАРИАННА
МЕДВЕДЬ МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ
МИЛИЦИОНЕР ВОЛОДЯ
ИСЛАНДСКАЯ СЕЛЬДЬ ХИЛЬДА
АМЕБА РАХИЛЬ (МУМУ)
БАБОЧКА КУЗЬМА
КОЗЕЛ ТОЛИК
ВОРОБЕЙ ГУСЕЙН
УЛИТКА ГЕРАСИМ
ВОЛК СЕМЕН АЛЕКСЕЕВИЧ
ИНФУЗОРИЯ АСЯ
КРЫСА НАДЕЖДА ПАСЮК
РОСОМАХА ЖАННА
БЛОХА БАБКА РАЙКА
ОСА ФЕНЕЧКА
ОСА ИОСИП
МОЛЛЮСКИ «ГРИНПИСА»
МУХА ДОМНА ИВАНОВНА
ЕВТУШЕНКО
МЫШЬ СОФА
МУЖ МЫШЬ ВАСИЛИЙ
БЛОХА ВАЛЕРИК
ЛЕОПАРД ТЕТЯ ГАЛЯ
ПЛОТВА ВОВА Л.
ГОРОВИЦ
МОЛОДОЙ ГИЕНА ДИМА
СОВА ЕГОР
ЛЯГУШКА ЖЕНЕЧКА
ГИГАНТСКИЙ МУРАВЕЙ ЗОЯ МУРАДОВНА
ЖУК-СОЛДАТ ТЕТЯ ЛИДА
ЕЖИК ВИТЕК
СЕМЬЯ ГРИБКОВЫХ

ПИЯВКА ДУСЬКА СОСО
КОЗЛЕНОК ИРИНКА
ЧАЙКА ДЯДЯ ВАНЯ,
ОН ЖЕ ЧАЙКА ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН
КАРЛ МАРКС
МЕНДЕЛЬСОН
КОЗА МАШКА
МУРАВЕЙ ДЕД МИША
НЮСЯ МИЛЬМАН, ВОКАЛ
ПЕНЕЛОПА
ЭДДИ РОЗНЕР
ЖАБА ЛЮБА
КАРЛИКОВЫЙ МУРАВЕЙ ХНА
КАРЛИКОВЫЙ МУРАВЕЙ СЕННА
ЧУМНЫЕ, СЕМЬЯ
КЛЕЩ ДЯДЯ ЮРА
ИНФУЗОРИЯ АСЯ
КЛОП АДА
АРКАДИНА
МАРАЛ АЛЮЛЬ
МАРАЛ БУЛЮЛЬ
МАРАЛ ХИШТАКИ САРИТАНУР
МАРАЛ КОНСТАНТИН
МАРАЛ РОЗА
ТЛЕНОК БУКЕТ
ТЛЯ ЗОРЬКА
СЕМЬЯ БАКТЕРИОФАГОВ
СЕМЬЯ ВОЗБУДИТЕЛЕЙ ГЕЙНЕ-МЕДИНА
МИКРОБ ГРИШКА НЕПТУН
(ОН ЖЕ СКАЛОЛАЗ, ПЕРВОПРОХОДЧИК,
КВАРТИРОСЬЕМЩИК, ЭКСПОНАТ)
СТАРУШКА БЛЕДНАЯ СПИРОХЕТА КЛАРА СИФОН
БЛОХА ВАЛЕРИК
НАТАША РОСТОВА
КЛЕЩ ТЕТЯ ОКСАНА
ИНОСТРАННАЯ ЛЯГУШКА ПИПА

НИНА ЗАРЕЧНАЯ
ЛЯГУШКА САМСОН
БЛОХА ДЯДЯ СТЕПА
ЕЖ СТЕЛЛА Е
ТРЕПЛЕВ
ЛЕВ ТОЛСТОЙ
УНГАРО
ТАТИ
АМЕБА РА (МУ)
АМЕБА ХИЛЬ (МУ)
ЧЕХОВ
ЛЕВ ТРОЦКИЙ
БЛОХИ-МАХНОВЦЫ
ГИЕНА МЕХМЕТОВНА
ОВЦА РИММА
КАРП ДЯДЯ СЕРЕЖА
ПЕНЬ С ОПЯТАМИ СМИРНОВ
И ДР.

СОДЕРЖАНИЕ

▪
Дикие животные сказки
▪

В дороге	7
В доме отдыха	9
Визит дамы	11
Семейная сцена	13
Педикюр	15
Козел Толик	17
Репетиция хора	18
Конец праздника	20
Автобус	22
Иностранка	25
Травма	27
Двойная литературная история	28
Историческая родина	30
Карьерист	32
Сила театра	33
Голод не тетка	34
Роль	35
Трудное детство	36
Три сестры	37
Иосип	41
Защита Нины	43
Жажда славы	44
Шахматная партия	45
Элвис Пресли	46
Меме	49
Вопросы воспитания	51
Йо мойо	53
Лав стори	54
День рождения	57

Дядя Степа эмигрант	59
Уимблдон	62
Случайный вальс	63
Красавица Востока	65
Женщины пристальнее мужчин	67
Плач барана	69
Вера в мужчин	70
Психология	71
Маккартни	73
Слава Зайцев	75
Новая жизнь Данте	77
Диета	78
Пикник	79
Превратности судьбы	80
Дедушка Эдик	81
Победа по очкам	83
Плебей	85
Кукувечка	87
Маленькое и большое	89
Хэви метал	91
Нирвана	93
Жаберные щели	95
Место в жизни	97
Ла Скала	99
Женская красота	101
Культура	103
Как Пенелопа	105
Алалия	108
Ро	110
Мальборо-1	112
Мальборо-2	115
Солидарность	117
Лэйбл	120
Снимается кино	123
Мальборо-3	124
Семья	127

...пка	129
Вялые уши	131
День рождения Смирнова	133
Материнство	135
Уважение	139
Карл Маркс	142
Чужая жена	144
Женитьба	146
Дискотека	148
Бесконечный финиш	150
Веселье	152
Согласие	154
Демонстрация моделей	156
Закат	157
Таракан-фис	159
Героиня	161
Народный юмор	162
Маленький праздник	164
Птица тля	166
Не те времена	169
Квартирный вопрос	171
Палла	175
Собственность	178
Клава Каренин	181
Клиника	185
Генетический код	187
Квадрат	191
Хахаль	193
Манна	197
Пополнение	198
Ота доя	200
Сила искусства	203
Ямщик	207
Книжка	209
Дядя Ваня	211
На свободе	214

Где ты	217
Эротика как практика	219
Cinzano	223
Сивуч	226
Порядок	228
Диагноз	229
Долголетие	230
Отелло	232
Кокошник	234
Ограбление века	235
Японский театр Но	239
Секонд хэнд	244

▪

<i>Список</i>	
<i>действующих лиц</i>	
<i>«Диких животных сказок»</i>	247

Литературно-художественное издание

ПЕТРУШЕВСКАЯ ЛЮДМИЛА СТЕФАНОВНА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В 5 томах

Том 5

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

Первый отечественный роман с продолжением

Ответственный за выпуск В. В. Гладнева
Художественный редактор Ю. А. Модлинский
Технический редактор Е. В. Триско
Корректурa автора

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.07.96. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 14,88. Усл. кр.-отг. 15,11. Уч.-изд. л. 7,19. Тираж 11 000 экз.
Заказ № 509.

«Фолио». 310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.

ТКО АСТ. Лицензия ЛР № 060519. 143900, Московская обл.,
г. Балашиха, ул. Фадеева, 8.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729 и МППО
им. Я. Коласа. Лицензия ЛВ № 82.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО
им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

Петрушевская Л. С.

П30 Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. Дикie животные сказки: Первый отечественный роман с продолжением/ Рис. авт.; Худож. оформ. В. Хлебниковой.—Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996.— 256 с.— (Настоящее).

ISBN 5-7150-0319-9.

«Дикie животные сказки» в течение двух лет (1993—1994) публиковались в еженедельном журнале «Столица» и даже получили на фестивале «Золотой Остап» статуэтку Малого Остапа в номинации «Лучшее юмористическое произведение 1994 года».

П 8820000000

ББК 84(2Рос-Рус)

5

DISTRIBUTED BY
EAST VIEW PUBLICATIONS
eastview@eastview.com
Fax (642) 559-2931
<http://www.eastview.com>

